

АПОЛ [лония Боспорская] или [храм] АПОЛ [лона]?

Проблема атрибуции монет с легендой АПОЛ – одна из самых насущных в нумизматике Боспора. И это вполне объяснимо, ибо значение вопроса таково, что не уместается в рамках области собственно нумизматической, но в значительной мере простирается на политическую историю региона. Вместе с тем, его состояние трудно назвать удовлетворительным. Особенно заметно это проявилось в последние годы, когда в «аполлонистике» во весь голос дали о себе знать кризисные явления, обозначившие неспособность подавляющего большинства находящихся на слуху концепций к адаптации, да и, пожалуй, самому существованию в современной быстро расширяющейся информационной среде.

Между тем, ключ к разгадке аполлонийского вопроса известен давно и, по моему глубокому убеждению, находится в Пантикапее, точнее, хранится в одном чрезвычайно примечательном, но, к сожалению, безосновательно отвергнутом нумизматическом памятнике. Речь идет о редком типе серебряных монет V в. до н.э.,¹ один из издаваемых экземпляров которого найден Р.Ф. Фрайтахом (Тамань) в 2001 г. на городище Прогресс 1.²

Л.с.: профиль головы Аполлона в лавровом венке вправо. О.с.: не пересекающаяся в центре свастика, направленная по часовой стрелке, каждое из крыльев которой прилегает своим периферийным плечом к соответствующей стороне вдавненного квадрата; в четырех отсеках, начиная с нижнего левого, – буквы П-А-Ν-Τ (против хода часовой стрелки, причем П и А – горизонтально, Ν и Τ развернуты на 90° и 180° соответственно). Вес 1,24 г (диобол), дм. 10,5-13 мм., с.о. 4. (рис. 1, 2-2а, 2б). Имеются однотипные гемиоболы (рис. 1, 6-7),³ а также тетартемории с изображением птицы вправо (ворон⁴) [Мельников, 2003, с. 177, № 13, 13а].

¹ Благодарю С.И. Болдырева за экспертное заключение на предмет подлинности этой и других монет из коллекции Р.Ф. Фрайтаха. Не могу отказать себе в удовольствии произнести слова искренней благодарности А.Н. Васильеву и А.А. Завойкину за щедро оказанную помощь, поддержку, а также советы, которые особенно ценны для меня тем, что исходят из уст авторитетных специалистов. Выражаю признательность О.Н. Мельникову за любезно предоставленные материалы, а главное, живое и заинтересованное обсуждение «аполлонийского вопроса», Е.Ю. Киселевой (СПб) и Е.А. Кравцу (Темрюк) – за техническую поддержку.

² Здесь и далее названия городищ (Темрюкский район Краснодарского края) указаны согласно классификации А.П. Абрамова и Я.М. Паромова [1993].

³ Оба гемиобола (1. Вес 0,32 г, дм. 7,5-8 мм. Рис. 1, 6; 2. Вес. 0,31 г, дм. 7-7,5 мм. Рис. 1, 7), а также диобол (вес 1,34 г, дм. 12,5-13,5 мм. Рис. 1, 5) найдены на Таманском п-ве и хранятся в коллекции Р.А. и Е.Р. Исанчуриных (Москва).

⁴ Ворон являлся одной из многочисленных ипостасей Аполлона. Считалось, что в этом образе божество указывало место для основания нового города [Callim. Нумн. II. 65-

Монета известна с конца XIX в., когда ее прорисовку (видимо, несколько не точную) издал П.О. Бурачков [1884, табл. XIX, 24]. И хотя Е.И. Похитонов подтвердил существование данного типа публикацией диобола [Pochitonov, 1960, č. 20, rozp. 9, obr. I, 20], однако, судя по отсутствию реакции на недавние тезисы О.Н. Мельникова [2003, 179], монета до сих пор значится среди фальшивок.⁵ Безусловно, решающее значение в судьбе памятника сыграло заключение двух крупнейших отечественных нумизматов – А.Н. Зографа, который счел монету более чем сомнительной [1951, с. 167] и Д.Б. Шелова, признавшего ее «заведомо» поддельной [1956, с. 110, прим. 3]. Однако в связи с новыми достоверными находками (правда, исключительно случайными) необходимость реабилитации монет этого типа стала окончательно ясна.⁶

Понятно, что решение проблемы датировки рассматриваемого памятника лежит через определение его позиции по отношению к монетам с аналогичным лицевым типом в сочетании с головой барана [Гайдукевич, 1949, табл. I, 6; Анохин, 1986, табл. 2, 57-58],⁷ а последних – к монетной серии, наделенной тем же типом о.с. в сочетании с мордой льва (54-56).⁸

68]. Можно предполагать, что появление ворона на монетах Пантикапея явилось откликом на некие события, связанные с благоприятным предзнаменованием, сделанным в момент основания города.

⁵ Поскольку вопрос о подлинности монет «Аполлон/ворон – П-А-Н-Т» (далее – «Аполлон – ПАНТ») окончательно не снят, очевидно, имеет смысл сообщить некоторые подробности об издаваемом здесь экземпляре из коллекции Р.Ф. Фрайтаха. Можно отнести на счет счастливой случайности, что при механической чистке был обломан фрагмент края поля (вместе с кончиком носа Аполлона); в результате оказались обнажены оба уплотненных при чеканке поверхностных слоя, разделенные прослойкой ядра с более рыхлой структурой, полностью утратившей изначальный металлический блеск. На рис. 1, 2а видны оба поверхностных слоя, так как на л.с. он обломан несколько больше.

⁶ О наличии в своей коллекции диобола, найденного на Таманском п-ове, любезно сообщил С.Л. Завьялов (Краснодар). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить вышеупомянутых коллекционеров, а также В.К. Воронова, А.В. Кардополова, А.И. Кириченко, А.Е. Кожемякина, Ю.Н. Палаткина, С.В. Перепелицу, Л.С. Танкова, А.В. Тителакиса, И.С. Хаустова и др. за любезно предоставленную информацию и материалы.

⁷ Правда, В.А. Анохин отказывается включить их в число городских [1986, с. 10, 138, 57-58; 1999, с. 40], ссылаясь на то обстоятельство, что эта эмиссия «несомненно, одновременна монетам Пантикапея с тем же типом реверса и головой льва на аверсе (54-56)» [1986, с. 10]. Достоин удивления уже то, что вполне ожидаемые и, более того, совершенно необходимые здесь доводы в пользу декларируемой параллельности существования названных эмиссий подменяются следующим бесспорным положением, по существу, дезавуирующим выдвинутый тезис: «...одновременный выпуск монет одинаковых номиналов, но с различными изображениями был бы и нецелесообразным, и противоречащим всей практике боспорского монетного дела» [там же]. Между тем, все становится на свои места, стоит только допустить последовательный выпуск Пантикапеем названных серий, причем рассуждать так (и никак иначе) обязывает легенда ПАНТИ, свидетельствующая о чеканке монет обоих типов от имени городской общины. Столь же неубедительна ссылка на то, что в этой серии эмитент заменил надпись АПОЛ «полным и даже еще более выразительным эквивалентом – изображением Аполлона» [Анохин, 1986, с. 14]. В этой связи уместно напомнить, что в чеканке с ПАН, ПАНТИ и

Между тем, полную ясность в этот вопрос вносит исследуемая монета. В силу того, что реверсный тип решен сугубо линейными изобразительными средствами, это позволяет уверенно поставить ее во главе хронологического ряда названных эмиссий. Затем идет серия «Аполлон – баран» и, наконец, «лев – баран во вдавленном квадрате» (далее – «баран в квадрате») с двумя аналогичными по типу продолжениями (67-69, 70-72),⁹ наделенными добавочной символикой и битыми с применением *circulum incusum* [Мельников, 2003, табл. I].

В обоснование следующего шага необходимо сделать краткое отступление и в первую очередь воздать должное Н.А. Фроловой за большую и плодотворную работу по составлению корпуса штемпелей раннебоспорских монет [1996]. Теперь мы, наконец, располагаем инструментом, открывающим возможность с высокой степенью достоверности отследить относительную продолжительность чеканки монет того или иного типа. Другим хронологическим ориентиром, позволяющим принять среднюю продолжительность существования одного лицевого штемпеля диобола¹⁰ в течение одного календарного года, могут являться основательно исследованные чеканки Самоса и Абдеры V в. до н.э.¹¹ Если

ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ несть числа примеров смены лицевого типа: лев - сатир – Аполлон - Посейдон – сатир – Аполлон – Дионис – Артемида и т.д. Таким образом, «Если следовать логике исследователя, мы можем с полной долей уверенности к храмовому чекану Пантикапея относить все *последующие сюжеты*, связанные с Аполлоном» [Голенко В.К., 2004, с. 188], равно как и с другими перечисленными божествами, в результате чего город, по сути дела, лишается монетной чеканки. Остается указать на столь же безосновательные попытки В.А. Анохина отобрать у Пантикапея эмиссию с «бараном и звездой» (70-72) [1986, с. 14, 138-139; 1999, с. 40], а также рассматриваемые здесь монеты «Аполлон – ПАНТ» (легенда которых ошибочно читается как ΠΑΝΤΙ [1999, с. 40]). Представляется совершенно очевидным, что как раз избежание подобных случаев неверного отождествления своей продукции пантикапейские монетарии предусмотрительно вписали в поле оборотной стороны имя владельца монетной регалии [Фролова, 1988, с. 127; Голенко В.К., 2004, с. 185].

⁸ Здесь и далее номера монет указаны по каталогу: [Анохин, 1986].

⁹ В коллекции Р.Ф. Фрайтаха имеется гемитетартеморий (?), найденный в 1995 г. на городище Приморский 23. Л.с.: морда льва в фас. О.с.: голова барана вправо во вдавленном квадрате, ΠΑΝΤ. Вес. 0,15 г., дм. 0,65-0,7 мм. (рис. 1, 15).

¹⁰ Значительная редкость драхм, тетроболов и триоболов позволяет присоединиться к мнению Д.Б. Шелова, согласно которому базовым номиналом в раннебоспорской чеканке являлся диобол [1956, с. 30]. Поскольку этот номинал присутствует в подавляющем большинстве монетных серий (в древнейших эмиссиях эту нишу занимал триобол) и, по всей видимости, чеканился регулярно, то совокупность этих обстоятельств обуславливает необходимость поставить штемпельный расклад диоболов в основание реконструкции эмиссионной ситуации V в. до н.э.

¹¹ Так, «В... чеканке самосских тетрадрахм 398/7-365 гг. большинство магистратов представлено только одним штемпелем аверса» [Анохин, 1989 с. 16], причем аналогичная эмиссионная ситуация наблюдается и в Абдере [там же]. Можно ожидать появления упреков в некорректности сопоставления боспорского региона с названными центрами, располагавшими собственными серебряными рудниками. Думается, однако, что отсутствие месторождений серебра на Боспоре в некоторой степени компенсируется

согласиться с данными рамочными положениями, это дает основания для следующего шага.

Итак, при наличии 20-и лицевых штемпелей диоболов с «бараном в квадрате» (54) [Фролова, 1996, с. 62], а также одного штемпеля диоболола с «бараном в квадрате влево» [Мельников, 2003, с. 177, № 15],¹² мы приходим к ориентировочной продолжительности чеканки монет этого типа в течение 21 года. Исходя из указанного А.Н. Зографом верхнего рубежа существования данной эмиссии (ок. 410 г.) [1951, с. 244, табл. XXXIX, 33-34], получается, что монеты с «бараном в квадрате» начали выпускаться ок. 431 г. [ср.: Мельников, 2003, табл. I, П9а; Терещенко, 2004, с. 14]. Так как последняя дата близка к смене власти в Пантикапее, это дает некоторые основания к тому, чтобы относить монеты «Аполлон – ПАНТ» к правлению Спартока I (438/7-433/2 гг.). Кажется, еще одним доводом в пользу такой датировки является наблюдаемое здесь впервые всеобъемлющее изменение монетной символики. Следует подчеркнуть, что подобные метаморфозы совершенно нехарактерны для монетного дела Пантикапея раннего времени и, очевидно, могли произойти не иначе как под воздействием неких чрезвычайных обстоятельств. Таким образом, демонстрируемый монетами «Аполлон – ПАНТ» радикальный типологический «переворот» предоставляет дополнительные основания к тому, чтобы связывать их появление с нелегитимным приходом к власти Спартока,¹³ на что впервые указал О.Н. Мельников [2003, с. 179, табл. I, П7].

значительным экспортным потенциалом региона, что позволяет считать предложенное допущение достаточно близко отражающим реальную эмиссионную обстановку. Этот вывод можно обосновать на примере эпиграфной чеканки Пантикапея V в. до н.э. (монеты с ПА и 8-лучевыми звездами, ПАН и ПАНТИ). При наличии 50 лицевых штемпелей диоболов, битых *квадратным* пуансоном [Фролова, 1996, с. 60-63], а также при допущении использования двух штемпелей в год, мы приходим к неправдоподобно узкому периоду существования эпиграфной чеканки: в пределах одной четверти столетия. Напротив, допущение использования одного лицевого штемпеля в течение двух лет создает не менее абсурдную ситуацию, диктующую необходимость относить возникновение эпиграфной чеканки к рубежу VI-V вв. до н.э.

¹² Наряду с упомянутым диоболом и двумя изданными Н.А. Фроловой гемиобололами (0,27 и 0,19 г), которые исследовательница, однако, относит к тетартемориям (16-й тип) [1996, с. 63, табл. XIII, 30, 30а], имеется также монета весом 3,82 г, которую О.Н. Мельников считает драхмой [2003, с. 177, № 14]. Данный экземпляр, однако, проигрывает в весе персидскому сиклу/драхме (нормативный вес 5,6 г [Зограф, 1951, с. 42]), почти два обобла (ср.: $0,933 \times 2 = 1,867$ и $5,6 - 3,82 = 1,78$). Иначе говоря, вес монеты приходится на границу стопы тетробола и пентобола, чем полностью исключается возможность отнесения ее к драхам. В наблюдаемой здесь «пороговой» ситуации остается лишь рассчитывать на обнаружение нового экземпляра, который только и может внести ясность в вопрос о номинале данного.

¹³ Недавно появилась информация о находке монет, изготовленных из железа [Шалобудов, Шульга, 2004, с. 285-287]. Не исключая самой возможности производства на Боспоре монет из этого металла, вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на то, что обол с «головой быка в $\frac{3}{4}$ влево – зерно горизонтально, над ним ФА» известен в серебре [Мельников, 2003, с. 178, № 19] и, очевидно, входит в серию с диоболом «кабир – голова быка в $\frac{3}{4}$, зерно, ФА» [Анохин, 1986, с. 139, табл. 2, 78]. Это обстоятельство резко

Остается лишь добавить, что предложенная датировка монет «Аполлон – ПАНТ» косвенно подтверждается их значительной редкостью, согласующейся с краткостью нахождения у власти основателя новой династии. Вместе с тем количество известных экземпляров превосходит считавшиеся уникальными [Анохин, 1986, с. 10] монеты «Аполлон – баран» (57-58),¹⁴ что может свидетельствовать о чеканке последних либо на последнем году правления Спартока, либо при сменившем его Селевке (*Diod. XII. 36. 1*).¹⁵ Во всяком случае, напряженный военно-политический контекст, надо полагать, стоящий за государственным переворотом в Пантикапее и, вероятнее всего, сопровождавший первые годы существования нового режима, едва ли не полностью исключает возможность скорого возврата к типологическому наследию свергнутой династии («лев – баран в квадрате»). Таким образом, изложенные соображения позволяют склоняться к выводу, что двумя эмиссиями с «Аполлоном» ограничилась деятельность пантикапейского монетного двора при Спартоке I (и, вероятно, Селевке).

Особое значение монете «Аполлон – ПАНТ» придает главным образом то обстоятельство, что она представляет собой важный хронологический репер, открывающий возможность для прояснения эмиссионной ситуации V в.¹⁶ В общих чертах ее можно охарактеризовать так: эпиграфные «геометрические»¹⁷ монеты с 4-х и 8-лучевыми звездами выпускались в основном в период правления Археанактидов и, соответственно, монеты, несущие «художественные» реверсные типы, принадлежащие Нимфею, Пантикапею, Феодосии, синдам и Фанагории, чеканились при первых Спартокидах.

повышает вероятность того, что железный аналог может являться фальсификатом IV в. до н.э. Еще больше вопросов вызывает монета с «бородатым сатиром – ПАНТ в четырехчастном квадрате». Бросается в глаза эклектичное сочетание типов: с одной (лицевой) стороны, представлен сюжет, впервые появляющийся около рубежа V-IV вв. до н.э. [Зограф, 1951, с. 245, табл. XL, 1-4; Шелов, 1956, с. 214, табл. III, 35-39], а с другой (оборотной) – симбиоз реверсных типов рассматриваемых монет с «Аполлоном» и «мордой льва – АПОЛ в четырехчастном квадрате» (далее – «лев - АПОЛ»). Кроме того, не может не удивлять наличие в Пантикапее *quadratum incusum* в начале IV в. до н.э. (393-389 гг. [Терещенко, 2005, с. 369]), равно как и беспрецедентной в нумизматике Боспора постановки двух букв: N и T «лежат» параллельно нижней грани вдавленного квадрата. Наконец, к числу главных недостатков публикации можно отнести отсутствие фототипий издаваемых монет.

¹⁴ О наличии в своей коллекции гемибола этого типа (58) сообщил О.Н. Мельников.

¹⁵ В.А. Анохин относит серию «Аполлон – баран» (57-58) к последней декаде V в. (ок. 413-403 гг. [1986, с. 138] и ок. 410-400 гг. [1999, с. 39, рис. 5, 7]). О.Н. Мельников и А.Е. Терещенко датируют ее ок. 433-430 гг. [2003, табл. I, П8] и 431/30 гг. – последним десятилетием V в. до н.э. [2004, с. 14] соответственно.

¹⁶ Здесь и далее все даты указаны до новой эры.

¹⁷ Так для краткости будем впредь именовать монеты, реверсный тип которых решен преимущественно линейными изобразительными средствами; монеты же, имеющие пластическое решение основной символики – «художественными».

Присутствие в Пантикапее монет с «Аполлоном» закономерно поднимает «аполлонийский вопрос». Загадочные монеты с легендой АПОЛ долгое время признавались полисными, однако Ю.Г. Виноградов предложил трактовать их в качестве конфедеративной чеканки боспорских городов, осуществлявшейся в Пантикапее под эгидой храма Аполлона [Vinogradov, 1980, S. 69 f; Виноградов, 1983, с. 394-420]. Несмотря на отдельные критические замечания [Васильев, 1985, с. 13-17; 1992, с. 113 слл.; Завойкин, 1994, с. 65; 2000, с. 255-256; 2004а, с. 96, прим. 101; 2005, с. 96; Завойкин, Сударев, 2006, с. 120], эта гипотеза получила широкое признание, в том числе и среди нумизматов [Фролова, 1988, с. 129-132; 1995, с. 206-208; 1996, с. 49-50; Мельников, 1989, с. 37-38; 2003, с. 179; Болдырев, 2002, с. 210; Голенко В.К., 2003, с. 29; 2004, с. 183-184;¹⁸ Терещенко, 1999, с. 88; 2004, с. 10].

Между тем, в концепции Ю.Г. Виноградова можно выявить ряд противоречий. Прежде всего, остаются неясными мотивы, побудившие скифов распорядиться представившейся во Фракии «передышкой» столь своеобразным образом: оставить завоеванные позиции и предпринять изнурительный, по меньшей мере, тысячекилометровый переход на Боспор Киммерийский. С учетом последних публикаций, здесь наблюдается не менее парадоксальная ситуация: исследователи признают сложившуюся на берегах Керченского пролива военно-политическую обстановку хотя и весьма напряженной, но, вместе с тем, асимметричной [Завойкин, Сударев, 2006, с. 120]. С одной (азиатской) стороны, пик военной напряженности приходится на первую четверть V в. [Завойкин, Сударев, 2006, с. 134-135], причем достигается на фоне интенсивного освоения региона: в это время продолжается неуклонный рост числа сельских поселений (максимум – во второй четверти V в.) [Абрамов, Паромов, 1993, с. 73-76]. С другой (европейской) стороны, предполагаемый Ю.Г. Виноградовым период скифской экспансии (480-е гг.), завершившийся установлением тирании Археанактидов [1983, с. 417-418], соответствует «финалу кризисного (напряженного) военно-политического периода в Пантикапее», и только [Завойкин, Сударев, 2006, с. 135]. Ситуация достигает синхронизма (и тем самым начинает соответствовать обстановке масштабной внешней агрессии) во второй четверти V в. – этим периодом датируются следы военных действий в обеих частях Боспора [см.: Завойкин, Сударев, 2006, с. 123, 128]. В связи с предполагаемым Ю.Г. Виноградовым возвращением скифов на Балканы (как раз в период, когда оба берега Боспора вовлечены в военный конфликт) события приобретают новый оборот: боевые действия во Фракии возобновляются (причем на сей раз уже между родственниками) и продолжаются примерно до середины V в. [1983, с. 400]. Поскольку скифо-

¹⁸ Вместе с тем, В.К. Голенко подверг сомнению связь типологии раннебоспорского чекана с культом Аполлона, а также высказал ряд других наблюдений, ставящих под вопрос трактовку монет с АПОЛ в качестве конфедеративной чеканки боспорских полисов.

фракийский династический брак, призванный скрепить мирный договор, по мнению Ю.Г. Виноградова, был заключен как раз в боспорскую «передышку» [с. 400, 417], следовательно, анализируемая историческая реконструкция берет в заложники дочь фракийского царя Тереса. Наконец, «Имеющиеся археологические материалы вообще не дают оснований говорить о существовании в V в. до н.э. единого скифского государства» [Виноградов Ю.А., 2002, с. 15].

Утверждается также, что древнейшие боспорские монеты «имеют явные черты т.н. союзных эмиссий» [Масленников, Смекалова, 2005, с. 279]. В их числе называются некая сознательная обезличенность [Терещенко, 2004, с. 8], отсутствие имени городской общины-эмитента, а также широкий ареал обращения [Терещенко, 2004, с. 9-10; Масленников, Смекалова, 2005, с. 279].¹⁹

Нельзя, однако, не заметить, что львиные сюжеты особенно популярны в архаической чеканке малоазийских городов [см.: Голенко В.К., 2004, с. 186-187], а мотив львиной морды встречается «от Сидона до Массалии» [Шелов, 1951, с. 47]. Не может быть принята и ссылка на отсутствие на монетах имени эмитента – достаточно указать на то, что архаическая эпиграфная чеканка является скорее исключением [см.: Зограф, 1951, с. 230-231, табл. I-II], а полисные кизирины дожили в своем первоначально анэпиграфном облике до конца IV в. [Зограф, 1951, с. 41]. Что касается широкого ареала хождения древнейших боспорских монет, то следует обратить внимание на аналогичный ареал обращения эпиграфного пантикапейского серебра V в. (как, впрочем, и монет других боспорских центров). Можно, наконец, сослаться на те же кизирины, для которых не явились преградой ни Пропонтида, ни Эгейское, ни Черное моря.

Неоднозначны, а подчас и противоречивы взгляды исследователей в отношении хронологии аполлонийской чеканки. Так, Н.А. Фролова, с одной стороны, оставляет в силе предложенную Д.Б. Шеловым датировку второй – третьей четвертью V в. двух серий с АПОЛ [1988, с. 128; 1995, с. 206; 1996, с. 50], а с другой – ограничивает их третьей [1995, с. 208] и даже четвертой четвертью столетия [1996, с. 65]. Вслед за Е.И. Похитоновым [1960, с. 25], исследовательница уточняет, что монеты с АПОЛ могли появиться одновременно с пантикапейскими 12-го (ПАН и 8-лучевая звезда) и 13-го типа (ПАНТИ на рельефных табличках вокруг 8-лучевой звезды), «...но никак не ранее» [Фролова, 1996, с. 52]. Оговаривается также, что «После прекращения эмиссий монет с надписью АПОЛ в Пантикапее были отчеканены монеты с надписью П-А-Н-ТИ» на рельефных табличках вокруг 8-лучевой звезды (13-й тип) [Фролова, 1996, с. 50]. Отсюда, между прочим, следует, что мощная чеканка с АПОЛ (25 штемпелей л.с. диоболов обоих

¹⁹ Нечто подобное имел в виду Е.И. Похитонов. Правда, исследователь видел в этом качестве не только анэпиграфные эмиссии, но и монеты с двумя буквами, полагая, что они «чеканены совместно Пантикапеем и Аполлонией», поскольку наличие на монетах букв П-А «допускает возможность двоякого прочтения надписи» [Pochitov, 1960, с. 25].

типов (34-й, 35-й) [Фролова, 1996, с. 65-67]) осуществлялась в период выпуска умеренной по объему (9 штемпелей [с. 60]) серии Пантикапея 12-го типа (ПАН и 8-лучевая звезда), которая, в свою очередь, датируется Н.А. Фроловой третьей четвертью – концом V в. [с. 61], иначе говоря, *второй половиной* столетия.

В свете только что сказанного выглядит несколько неожиданным другое суждение Н.А. Фроловой: «Чекан их (монет с АПОЛ – В.С.) был интенсивен, хотя и кратковременен» [1996, с. 50].²⁰ При этом исследовательница поясняет, что аполлонийские монеты предназначались для покрытия «расходов на строительство храма, на устройство религиозных празднеств и т.п.». [Фролова, 1995, с. 207]. Принято считать, что строительство пантикапейского храма Аполлона велось в пределах второй – третьей четверти V в. [см.: Фролова, 1996, с. 50],²¹ т.е. в течение нескольких десятилетий, что является обычным сроком возведения подобных монументальных сооружений [Пичикян, 1984, с. 156; Толстиков, 1984, с. 44 слл.]. С другой стороны, Н.А. Фролова допускает, что «Первоначально они (монеты с АПОЛ – В.С.) могли быть выпущены в честь празднования открытия храма Аполлона» [1996, с. 48]. Надо думать, что в дальнейшем эмиссия осуществлялась для устройства «религиозных празднеств и т.п.». Так или иначе, но, следуя храмовой атрибуции монет с АПОЛ, необходимо признать, что данная чеканка должна была осуществляться продолжительное время при незначительной интенсивности и в соответствующем объеме. На деле же она превосходит в последнем компоненте все «геометрические» выпуски Пантикапея (с легендами ПА и 8-лучевой звездой, ПАН и ПАНТИ), вместе взятые [ср.: Фролова, 1996, с. 60-62 и с. 64-67].

В продолжение сказанного необходимо затронуть еще один важный аспект. Дело в том, что при параллельном производстве аполлонийских и пантикапейских монет, как справедливо отметил С.И. Болдырев, «за короткий промежуток времени количество денег на Боспоре стало выпускаться в два раза больше, что противоречит всем нормам экономики» [2002, с. 210]. Действительно, не приходится ожидать скачкообразного роста интенсивности эмиссионной деятельности в боспорском регионе, экономика которого носила ярко выраженный аграрный характер. Кроме того, нельзя не признать, что мы располагаем весьма ограниченными возможностями для

²⁰ Уместно напомнить, что данный тезис изначально мотивировался тем, что «количество типов оборотных сторон (монет с АПОЛ – В.С.) насчитывает всего четыре варианта» [Фролова, 1988, с. 132]. Предложенный Н.А. Фроловой критерий вряд ли применим в отношении оценки продолжительности чеканки – достаточно упомянуть знаменитых афинских «сов», которые веками не покидали монеты этого центра.

²¹ Недавно А.В. Буйских сочла возможным вернуться к датировке пантикапейского храма Аполлона, предложенной В.Д. Блаватским [1957, с. 32], и полагает, что он был возведен «не позднее последней четверти VI в. до н.э.» [2003, с. 33]. Тем самым ставится под сомнение трактовка этого памятника в качестве общесоюзной святыни [Завойкин, 2005, с. 96] и, соответственно, монет с АПОЛ в рассматриваемой интерпретации.

отслеживания этого показателя.²² В этих условиях остается прийти к заключению, что значительный объем введенного в оборот серебра с АПОЛ отражает не столько интенсивность работы монетного двора (которую, согласно поправке С.И. Болдырева, следует скорее принять за константу), сколько значительную продолжительность его производства [Борисова, Молев, 2002, с. 272; Мельников, 2003, табл. I].

Двойственное впечатление оставляет позиция А.Е. Терещенко. С одной стороны, исследователь резонно ставит серию Ап-2 (львиный скаल्प – АПОЛ на рельефных табличках между лучами 4-лучевой звезды (далее – «скаल्प – АПОЛ»)) в параллель с выпуском Пантикапея Па-10 (ΠΑΝΤΙ на табличках вокруг 8-лучевой звезды), а вслед за ними – серию Ап-3 («лев – АПОЛ»), а с другой – ограничивает чеканку последней переворотом Спартока [Терещенко, 2004, с. 13]. Так как следующий городской выпуск Па-11 (ΠΑΝΤΙ между лучами 8-лучевой звезды) исследователь относит ко времени правления основателя новой династии [Терещенко, 2004, с. 14], этим допускается ничем не мотивированный перерыв в городской чеканке («м.б. 442-438/7 гг.»), равно как и сомнительная возможность осуществления рекордной по объему в V в. аполлонийской серии Ап-3 [Терещенко, 1999, с. 88] в указанных хронологических рамках.

Далее, очевидно, имеет смысл сопоставить только что рассмотренные взгляды исследователей с имеющимися в нашем распоряжении археологическими данными. Выше уже говорилось о том, что следы военных действий на Боспоре отмечаются в основном во второй четверти V в. Здесь особое значение приобретает следующее замечание А.А. Завойкина: «...объединения, как правило обусловленные серьезной внешней угрозой, всегда были недолговечны» [2005, с. 97]. Следовательно, предполагаемая «Боспорская симмахия» должна была прекратить свое существование вскоре после отражения предполагаемой внешней агрессии [Виноградов, 1983, с. 417-418]. Таким образом, мы оказываемся перед необходимостью признать, что в 60-х гг. [Толстикова, 1984, с. 44-47] или же максимум к середине V в. [Завойкин, Сударев, 2006, с. 120], когда обстановка в регионе нормализовалась, предполагаемая надполисная структура, в сущности, была уже обречена на скорую дезинтеграцию и, соответственно, тогда же должна была пресечься и союзная чеканка. Между тем, как мы видим, монеты с АПОЛ датируются в пределах 2–4-й четверти V в. [Фролова, 1996, с. 50, 65] или же *ок.* 446-438/7 гг. [Терещенко, 2004, с. 13], чем допускается абсурдная ситуация осуществления союзной чеканки от имени несуществующего союзного эмитента.

Справедливо охарактеризовав союзную трактовку аполлонийской чеканки как полностью оторванную от нумизматических и исторических

²² Единственным сколько-нибудь значимым критерием может являться лишь оценка относительной частоты находок монет того или иного типа (разумеется, при наличии исчерпывающего штемпельного расклада, т.е. более или менее достоверных данных о продолжительности чеканки каждого из них).

реалий [Анохин, 1999, с. 18], В.А. Анохин предлагает родственную версию, согласно которой монеты с АПОЛ (и ряд других) принадлежат храмовой чеканке Пантикапея [1986, с. 24-25; 1999, с. 18-19].²³ Позиция аргументируется типологической и стилистической близостью аполлонийских и пантикапейских монет, а также молчанием источников об Аполлонии [Анохин, 1986, с. 10-13; 1999, с. 16-18].

Прежде всего, необходимо заметить, что отсутствие информации об объекте (или явлении) не может служить достаточным основанием для констатации его небытия. Это универсальное положение как нельзя лучше подходит к данной ситуации, когда вообще немногочисленные источники в отношении Боспора, отличающиеся к тому же крайней фрагментарностью и лаконизмом, в подавляющем большинстве случаев относятся к значительно более позднему времени. В отношении несомненной типологической близости двух групп древнейших боспорских монет представляется уместным напомнить, что заимствование монетной типологии – явление достаточно характерное для античности вообще и раннего времени в частности. Что касается близкородственной стилистики, то следует заметить, что упомянутым заключением В.А. Анохина данный вопрос отнюдь не исчерпывается. Можно также сослаться на умелое копирование оригинала или же на получившую в античности широкое распространение (причем как раз в рассматриваемое время [Зограф, 1951, с. 66, 87]) практику привлечения резчиков штемпелей из других центров или, наконец, на формирование родственных художественных школ (вероятность появления которых стремительно возрастает, когда речь заходит о таком довольно компактном регионе как боспорский). Поэтому вынесение безапелляционного вердикта о принадлежности аполлонийских монет Пантикапею [Анохин, 1986, с. 24-25; 1999, с. 18-19] на таком шатком основании представляется неоправданно рискованным. Более того, атрибуция монет с АПОЛ в качестве храмовой чеканки Пантикапея возводит ряд серьезных препятствий.

Во-первых, нельзя не считаться с тем очевидным фактом, что среди аполлонийских и пантикапейских монет отсутствуют экземпляры, битые общими лицевыми штемпелями [Мельников, 2001, с. 427; 2003, с. 178]. Между тем, их обнаружения неизбежно следовало бы ожидать при

²³ Нельзя не отметить эволюцию взглядов В.А. Анохина на «аполлонийский вопрос». И дело даже не в том, что исследователь соотносит некоторые монеты «храма Аполлона» с правлением неведомых Археанактидов III – IV [1999, с. 22-23], и даже не в том, что на выпуск беспрецедентной по объему в V в. аполлонийской серии «лев – АПОЛ» (22 штемпеля [Фролова, 1996, с. 65-66]) отводит не один «цикл», как некогда (ок. 460-450 гг.) [Анохин, 1986, с. 137, табл. 1, 26-28], а только половину (ок. 455-450 гг.) [1999, с. 17, рис. 2, 9], тогда как не идущему с ней ни в какое сравнение выпуску «скальп – АПОЛ» (3 штемпеля [Фролова, 1996, с. 67, 48-50]) воздаст сполна (ок. 430-420 гг.) [Анохин, 1999, с. 39, рис. 5, 6]. Самое любопытное находим в критике концепции Ю.Г. Виноградова. Делая ремарки по ходу цитируемых положений, В.А. Анохин прерывает автора, в частности, в том месте, где проводится мысль о чеканке монет с АПОЛ на монетном дворе Пантикапея, и резонно замечает, что «это никак не доказано» [1999, с. 18].

идентичности лицевых типов и осуществлении чеканки на одном и том же монетном дворе.

Во-вторых, «Известные случаи античной храмовой и союзнической чеканки показывают, что они сопровождаются значительными типологическими изменениями» [Голенко В.К., 2004, с. 186].

В-третьих, пожертвования в храмы «не могли быть использованы для извлечения из них выгоды» [Болдырев, 2002, с. 209], тогда как широкий спектр номиналов свидетельствует о чисто экономической направленности аполлонийской чеканки [с. 210].

Наконец, внушительный объем введенного в оборот аполлонийского серебра (сопоставимый лишь с полисной чеканкой Пантикапея) никоим образом не может быть соотнесен с ожидаемым скромным объемом храмового.²⁴

Несколько слов хотелось бы сказать по поводу предложенной В.А. Анохиным схемы относительной эволюции аполлонийской чеканки. Прежде всего, вызывает недоумение позиция серии «лев – АПОЛ» (26-28), которую исследователь поставил в параллель с *анэпиграфной* серией 19-22 [Анохин, 1986, с. 12, 137; 1999, с. 17, рис. 2, 3, 9], что, впрочем, вызвало лишь «трудность... объяснения простого рисунка реверса» [Анохин, 1986, с. 11] и, добавлю, появления невероятных четырех букв в это «немое» время [Фролова, 1988, с. 126; Голенко В.К., 2004, с. 184]. Таким же нонсенсом выглядит представленная В.А. Анохиным схема эволюции легенды аполлонийских монет: АПОЛ (26-28) – АП (33-35) – АПОЛ (48-50) [1986, с. 137-138; 1999, с. 17, рис. 2, 9-10; с. 39, рис. 5, 6], что, впрочем, также не осталось не замеченным [Фролова, 1988, с. 126; Борисова, Молев, 2002, с. 282].

Несколько особняком находится позиция О.Н. Мельникова. Следуя храмово-союзной атрибуции аполлонийских монет, исследователь попытался избавиться от слабых сторон только что рассмотренных версий, что в частности выразилось в территориальном обособлении аполлонийского монетного двора от пантикапейского. Вместе с тем, лежащее на поверхности типологическое сродство продукции обоих центров удерживает автора в границах Пантикапея, в результате чего город становится беспрецедентно «двудворовым» [Мельников, 2003, с. 178-179].

Не менее сомнителен (опять же в силу своей беспрецедентности) консолидирующий потенциал экономических факторов, положенный О.Н. Мельниковым в основу трактовки аполлонийской чеканки [2003, с. 179-180]. Вот что (по аналогичному поводу) пишет Ю.Г. Виноградов: «...по своему экономическому потенциалу... крупные боспорские полисы – Пантикапей, Фанагория, Гермонасса – были в начале V в. достаточно равноправны, чтобы поступиться своей автономией в пользу кого-то из их числа, к тому же в

²⁴ Правда, В.А. Анохин считает иначе, указывая на «Факт сосуществования рядом с храмовой *значительно более мощной* (курсив мой – В.С.) городской чеканки» [1999, с. 18-19]. Между тем, факты свидетельствуют об обратном [см.: Фролова, 1995, с. 207].

ситуации, чреватой военной опасностью... В свое время Д.П. Каллистов удивительно удачно поставил вопрос: почему Феодосия, несмотря на все экономические выгоды, которые ей сулил такой шаг, не примкнула к боспорскому объединению, и ее пришлось включать туда насильно?» Тут же давался не менее меткий ответ: «Мы хорошо знаем, чем были для каждого античного грека ελευθερία, αὐτονομία, αὐτάρκεια его родного города» [Каллистов, 1949, с. 210 слл.]. Но в таком случае уместно спросить и другое: почему же об этих святых для каждого грека лозунгах забыли прочие города, добровольно (по Каллистову и др.) отдавшие себя под власть авторитарного режима Археанактидов, какие бы коммерческие выгоды он им не сулил? Очевидно, экономическая теория консолидации здесь бессильна дать ответ, поскольку ее инициаторам, как и прочим сторонникам добровольного характера объединения боспорских полисов, весьма трудно было бы подыскать аналогичные прецеденты в греческой истории» [Виноградов, 1983, с. 416-417]. Таким образом, Ю.Г. Виноградов, а также Н.А. Фролова [1996, с. 49] обосновано исключают экономический фактор из числа возможных побудительных мотивов к строительству любого рода надполисных структур.

Что касается предложенной О.Н. Мельниковым хронологии аполлонийской чеканки, то надо сказать, что применяемая исследователем методика, основанная на учете относительного объема каждой из имеющихся эмиссий, производит сильное впечатление. Вместе с тем, атрибуция и датировка отдельных выпусков представляется небесспорной. Так, вслед за Д.Б. Шеловым [1956, с. 211-212], исследователь синхронизирует серию А3а («лев – АПОЛ») (26/2-27/2) и отчасти А3б (26/1-28) с «двубуквенными» монетами П3 (29-30/1), тогда как серию А4аб («скальп – АПОЛ») считает последней в аполлонийской чеканке [Мельников, 2003, табл. I]. Серию же «скальп – АП и 4-лучевые звезды» (33-35) О.Н. Мельников относит к Пантикапею [2003, с. 178, табл. I, П2], руководствуясь при этом сформулированным Д.Б. Шеловым [1956, с. 27] положением о пантикапейской принадлежности монет, реверсный тип которых решен в свастика-флажковом ключе [2001, с. 428, прим. 18].²⁵ Не касаясь пока последнего сюжета, ограничусь лишь одним замечанием. Параллельный выпуск монет с двумя и четырьмя буквами вряд ли имел место на практике (которая скорее убеждает в обратном).

В рамках союзной трактовки аполлонийских монет совсем недавно появилась новая версия. Предполагается, что аббревиатура АПОЛ может обозначать «название области, (территории) на которой находились города, главным культовым символом которых был Аполлон» [Масленников,

²⁵ Так для краткости будем впредь именовать популярный в первой половине V в. реверсный тип, представляющий собой крестообразную композицию, каждое плечо которой завершается рельефным квадратом, в результате чего она начинает походить на свастику или же, по образному выражению А.Н. Зографа, «крылья ветряной мельницы» [1951, с. 164].

Смекалова, 2005, с. 279]. Область локализуется у северного входа в пролив или же в северо-восточной части Керченского полуострова [с. 279-280].

Принятию данной концепции препятствуют главным образом два обстоятельства: политическая и демографическая ситуация в Восточном Крыму. Дело в том, что названный район включает в себя Пантикапей, а также несколько мелких населенных пунктов, полисный статус которых маловероятен (разве что кроме Мирмекия [Сударев, 1999, с. 227]).²⁶ Иначе говоря, версия генерирует серьезную проблему, связанную с неочевидностью существования потребности в специальной монете (равно как и соответствующей ресурсной базы) в слабозаселенном районе, названном В.Д. Блаватским «захолустьем» [1954, с. 25]. Ситуация усугубляется не только маловероятностью наличия в указанном месте субъектов предполагаемого союза, но еще и тем, что, согласно мнению авторов, наряду с осуществлением чеканки с АПОЛ, Пантикапей бил также полисную монету (с легендами ПА, ПАН и ПАНТИ) [Масленников, Смекалова, 2005, с. 280], чему, как уже говорилось, непреодолимо препятствует отсутствие общих лицевых штемпелей.

Прежде чем подвести черту под вариантами храмово-союзной атрибуции монет с АПОЛ, необходимо обозначить еще один важный момент. Итак, сам факт параллельного существования двух древнейших боспорских чеканок, одна из которых – заведомо полисная, позволяет уверенно исключить Пантикапей из числа участников предполагаемого монетного союза (причем из всех теоретически возможных форм). Это положение представляется незыблемым, поскольку неизбежно следует из наличия в городе собственной монетной чеканки, чем со всей определенностью обозначается независимая финансово-эмиссионная политика, проводившаяся властями Пантикапея в период работы аполлонийского монетного двора. Данное обстоятельство, особенно рельефно проявляющееся на фоне полисного этапа существования античной цивилизации на Боспоре, среди прочего исключает и всякую возможность производства предполагаемой союзной монеты на территории внесоюзного государства, каковым (по совокупности имеющихся данных) следует признать Пантикапей.

Оставляя на время в стороне этот вопрос, попробуем вначале подкорректировать предложенные исследователями хронологические параметры чеканки с АПОЛ. Исходным пунктом могут служить наблюдения

²⁶ Недавно В.К. Голенко вернулся к версии, впервые предложенной Н.А. Фроловой [1988, с. 130-131], от которой, впрочем, исследовательница вскоре отказалась [1995, с. 205-208; 1996, с. 48-49], и задался вопросом: «...так не считать ли изображение муравья *armes parlantes* одним (или единственным) из второстепенных участников объединения?» [Голенко В.К., 2004, с. 186]. Хотя исследователь не называет эмиссионный центр аполлонийских монет, однако сама постановка вопроса подразумевает осуществление чеканки либо в Пантикапее, либо в Мирмекии. Если в первом случае мы наталкиваемся на ряд серьезных препятствий (см. выше), то во втором – приходится допускать маловероятную возможность осуществления мощной аполлонийской чеканки силами небольшой городской общины.

А.Н. Зографа. На основании сопоставления фактурно-стилистических характеристик древнебоспорских монет, нумизмат пришел к заключению, что эмиссии с АПОЛ находят соответствие в «позднейших группах монет» Пантикапея (с легендами ПАН и ПАНТИ) [1951, с. 165-166]. Это бесспорное положение конкретизировал Ю.Л. Дюков, указав на близкое типологическое сродство аполлонийской серии «скальп – АПОЛ» (48-50) и выпуска Пантикапея с «ПАНТИ на табличках вокруг 8-лучевой звезды» (39-41) [1975, с. 72].

Между тем, решительный прорыв в разрешении данного вопроса позволяет сделать последний в Пантикапее «геометрический» выпуск. Несложно убедиться в том, что серия «лев – АПОЛ» (26-28) несет реверсный тип – образчик откровенного плагиата, прототипом которому послужила монета «Аполлон – ПАНТ»: прямую аналогию дает ориентация букв одного из вариантов (*ср.*: рис. 1, 9 и 1, 2-8). Тем самым подтверждается вывод Ю.Л. Дюкова [1975, с. 73], недавно поддержанный А.Е. Терещенко [2004, с. 13], что серия «лев – АПОЛ» замыкает аполлонийскую чеканку.

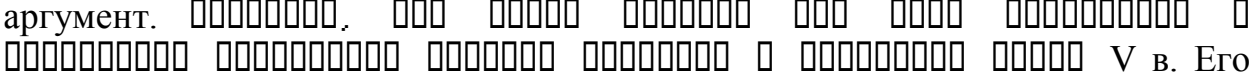
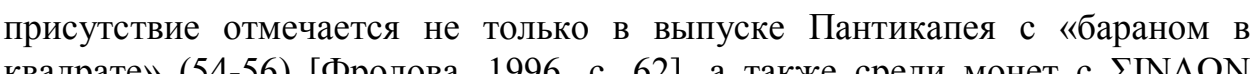
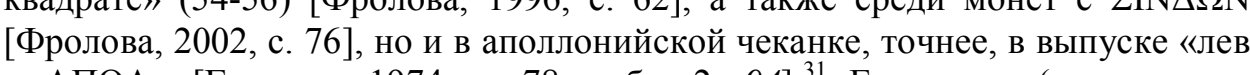
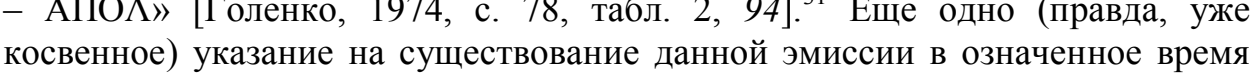
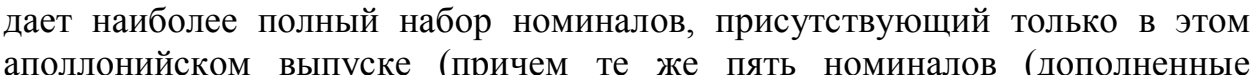
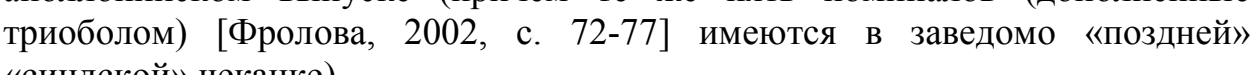
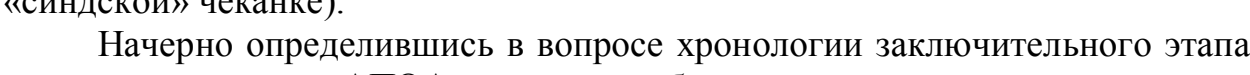
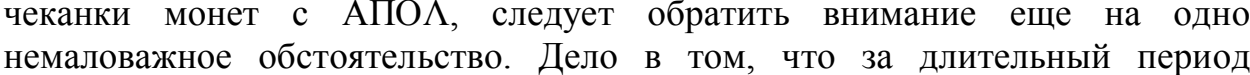

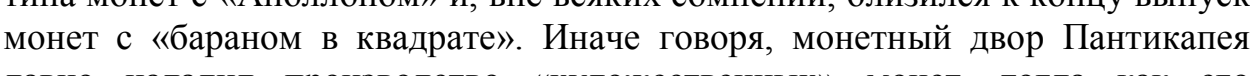

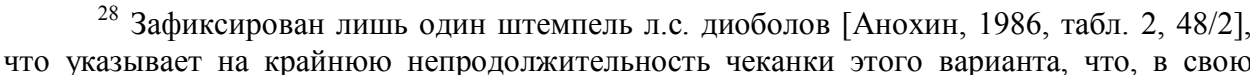
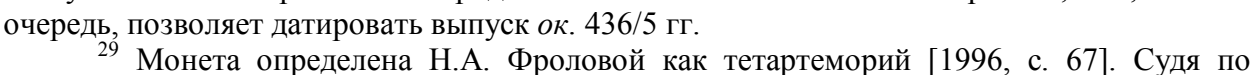
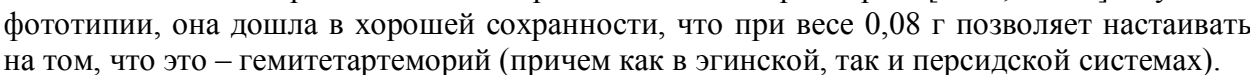
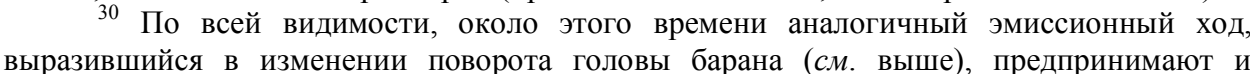
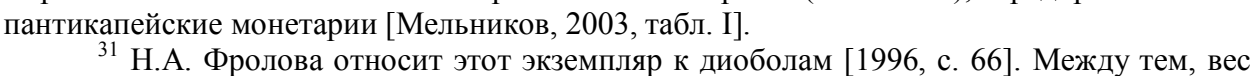
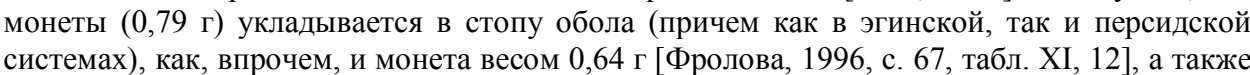
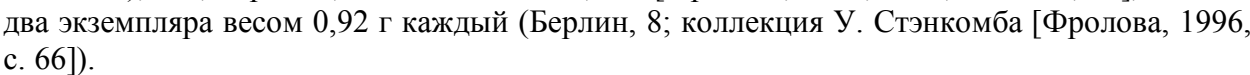

Рассмотрим и альтернативный вариант, предусматривающий заимствование Пантикапеем реверсного типа у аполлонийских монет. Впрочем, здесь возникает серьезное препятствие, обусловленное проблемой размещения объемного финального выпуска с АПОЛ (26-28) в заведомо узких хронологических рамках, максимальные границы которых определяются двумя относительно скудными заключительными эмиссиями Археанактидов (39-41, 45-47) (7 и 3 штемпеля соответственно [Фролова, 1996, с. 61-62]).

Расставляет все точки над *i* аполлонийская серия «скальп – АПОЛ», где в одном из ее вариантов (48/2-50) присутствует идентичная схема расстановки букв (*ср.*: рис. 1, 9 и рис. 1, 2-8; 1, 11-12). Это дает веские основания для синхронизации данного варианта с монетами «Аполлон – ПАНТ», что, в свою очередь, фиксирует его позицию на заключительном этапе чеканки серии «скальп – АПОЛ». Введение данной схемы можно рассматривать в качестве ответной реакции аполлонийских монетариев на появление монет с «Аполлоном». В справедливости такой оценки убеждает следующая эмиссия с АПОЛ (26-28), точнее, первый из двух ее вариантов (26/1, 27/1, 28), реверсный тип которого, по сути дела, калькирует сюжет о.с. пантикапейского аналога.

Итак, общую линию развития чеканки с АПОЛ можно представить следующим образом. В серии «скальп – АПОЛ» первым выпускался вариант с легендой по ходу часовой стрелки (48/1, 49), причем его можно поставить в параллель с серией Пантикапея с «ПАНТИ на табличках вокруг 8-лучевой звезды» (39-41).²⁷ С появлением монет «Аполлон – ПАНТ» (ок. 437 г.)

²⁷ Судя по всему, этот вариант появился на заключительном этапе чеканки пантикапейской серии 39-41 и, таким образом, явился запоздалой реакцией аполлонийских монетариев на предпринятое Пантикапеем наращивание числа букв в легенде сначала до трех (36-38), а затем и пяти букв (39-41).

аполлонийские монетарии переходят к производству варианта 48/2, [Зограф, 1951, с. 244, табл. XXXIX, 25], 50 (с надписью против хода часовой стрелки). Около 435 г.²⁸ его сменяет первый вариант серии «лев - АПОЛ» (26/1, 27/1, 28, [Фролова, 1996, с. 67, табл. XII, 1]),²⁹ демонстрирующий заключительную фазу адаптации реверсного типа к сюжету о.с. дебютной серии с «Аполлоном». Отсюда следует, что финальным в чеканке с АПОЛ является вариант 26/2-27/2. Появление этой разновидности накануне внезапного пресечения аполлонийской чеканки подтверждается крайне незначительным объемом этого выпуска (1 штемпель л.с. [Фролова, 1996, с. 66], а также присутствием двух номиналов.³⁰ Таким образом, сопоставление типологии монет древнейших боспорских центров позволяет уверенно считать эмиссию «лев – АПОЛ» (26-28) финальной в аполлонийской чеканке и располагать в последней трети V в.

В пользу предложенной датировки можно предъявить еще один аргумент.   V в. Его присутствие отмечается не только в выпуске Пантикапея с «бараном в квадрате» (54-56) [Фролова, 1996, с. 62], а также среди монет с ΣΙΝΔΩΝ [Фролова, 2002, с. 76], но и в аполлонийской чеканке, точнее, в выпуске «лев – АПОЛ» [Голенко, 1974, с. 78, табл. 2, 94].³¹ Еще одно (правда, уже косвенное) указание на существование данной эмиссии в означенное время дает наиболее полный набор номиналов, присутствующий только в этом аполлонийском выпуске (причем те же пять номиналов (дополненные триоболом) [Фролова, 2002, с. 72-77] имеются в заведомо «поздней» «синдской» чеканке).

Начерно определившись в вопросе хронологии заключительного этапа чеканки монет с АПОЛ, следует обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что за длительный период существования чеканки «лев – АПОЛ» в Пантикапее успели смениться оба типа монет с «Аполлоном» и, вне всяких сомнений, близился к концу выпуск монет с «бараном в квадрате». Иначе говоря, монетный двор Пантикапея давно наладил производство «художественных» монет, тогда как его

²⁸ Зафиксирован лишь один штемпель л.с. диоболов [Анохин, 1986, табл. 2, 48/2], что указывает на крайнюю непродолжительность чеканки этого варианта, что, в свою очередь, позволяет датировать выпуск *ок.* 436/5 гг.

²⁹ Монета определена Н.А. Фроловой как тетартеморий [1996, с. 67]. Судя по фототипии, она дошла в хорошей сохранности, что при весе 0,08 г позволяет настаивать на том, что это – гемитетартеморий (причем как в эгинской, так и персидской системах).

³⁰ По всей видимости, около этого времени аналогичный эмиссионный ход, выразившийся в изменении поворота головы барана (*см.* выше), предпринимают и пантикапейские монетарии [Мельников, 2003, табл. I].

³¹ Н.А. Фролова относит этот экземпляр к диоболам [1996, с. 66]. Между тем, вес монеты (0,79 г) укладывается в стопу обола (причем как в эгинской, так и персидской системах), как, впрочем, и монета весом 0,64 г [Фролова, 1996, с. 67, табл. XI, 12], а также два экземпляра весом 0,92 г каждый (Берлин, 8; коллекция У. Стэнкомба [Фролова, 1996, с. 66]).

предполагаемая храмовая/храмово-союзная чеканка надолго затормозилась в своем развитии. Таким образом, архаизированный облик аполлонийских монет, выступающий разительным контрастом на фоне эволюционирующей чеканки с ΠΑΝΤΙ, вызывает своего рода реакцию отторжения аполлонийских монет от Пантикапея. Это обстоятельство, равно как и весь комплекс рассмотренных данных, подводит к необходимости подтвердить справедливость заключения тех нумизматов, которые указывали на существование на Боспоре в раннее время второго автономного эмиссионного центра [Орешников, 1922, с. 127; Зограф, 1951, с. 165-167; Шелов, 1949, 143-147; 1956, с. 26-28; Pochitonov, 1960, ѓ. 21; Дюков, 1975, с. 73-74; Мельников, 2003, с. 178].

Здесь уместно вновь обратиться к процитированному выше замечанию С.И. Болдырева и подчеркнуть, что в данной ситуации вопрос о невероятном в специфических боспорских условиях скачкообразном росте эмиссионной активности снимается лишь при том условии, если деятельность аполлонийского монетного двора не ограничивается выпуском двух серий с АПОΛ. Иначе говоря, данное обстоятельство ставит нас перед необходимостью признать, что какая-то часть монет с двумя буквами также является аполлонийской. Таким образом, поправка С.И. Болдырева становится одним из наиболее весомых доводов в пользу аполлонийской атрибуции серии «скаल्प – АП» (33-35), впервые предложенной Ю.Л. Дюковым [1975, с. 72-73].

Понятно, что дальнейшему продвижению по пути эмитентного разграничения комплекса раннебоспорских монет может содействовать прояснение монетной символики. В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание на следующее. Хотя все эпиграфное пантикапейское серебро V в. маркировано начальными буквами названия городской общины, тем не менее, едва ли следует принимать это обстоятельство за «чистую монету» и расценивать в качестве свидетельства в пользу того, что финансово-эмиссионная сфера находилась под контролем граждан в лице демократически избираемых и периодически сменяемых магистратов.³² Напротив, есть все основания квалифицировать неизменно присутствующий на монетах Пантикапея классического времени демотикон в качестве рудимента былых традиций полисного самоуправления,

³² Присутствие на монетах имен магистратов является важным признаком «развитой автономной монеты классического и эллинистического периода» [Зограф, 1951, с. 190]. Показательно полное отсутствие таковых как в чеканке Пантикапея, так и прочих боспорских центров. Только во II в. на Боспоре появляются монограммы, в которых Д.Б. Шелов, однако, видит имена чиновников, назначенных царями [1956, с. 144]). Не менее показательно появление в Пантикапее двух мифологических персонажей – юного и бородатого сатиров, – причем последний А.Н. Зограф резонно персонифицирует, усматривая в нем аллегорическое изображение одноименного боспорского правителя Сатира I [1951, с. 171-172]. В этих условиях представляется вполне допустимым продолжить аналогию и предположительно атрибутировать изображение юного сатира в качестве «портрета» юного (в ту пору, когда этот сюжет дебютирует в чеканке Пантикапея) Сатирида – Левкона I.

отражающего формальный жест авторитарного режима Археанактидов и сменившей его тирании Спартокидов – реальных обладателей верховной власти в государстве (*Diod.* XII. 31. 1), а с нею, очевидно, и монетной регалии [Шелов, 1956, с. 142-144]. И коль скоро это действительно так, в этой ситуации может оказаться продуктивной попытка отследить типологические изменения в чеканке Пантикапея на стыке правления династий.

Выше уже обращалось внимание на то, что непосредственным следствием переворота 438/7 г. явилось полное типологическое обновление монетного дела Пантикапея – прежней осталась лишь легенда (которая, впрочем, также подверглась модификации). На этом радикально реформаторском фоне, а равно и в виду возвращения львиной головы на городские монеты при Селевке/Сатире (54-56), представляется симптоматичным исчезновение лишь одного символа, неизменно присутствующего на всех без исключения надежно атрибутированных монетах Пантикапея, чеканенных при Археанактидах (36-38, 39-41, 45-47), – 8-лучевой звезды. Поскольку главным эмитентным признаком пантикапейской чеканки этого времени является легенда (ΠΑΝ и ΠΑΝΤΙ), уже одно это обстоятельство позволяет видеть в 8-лучевой звезде символический знак, наделенный особой смысловой нагрузкой. Не касаясь здесь сложного вопроса о возможных причинах его появления [см.: Завойкин, 2000, с. 259-263; 2004а, с. 98-100], тем не менее, необходимо подчеркнуть неразрывную связь данного символа со свергнутой династией. Во всяком случае, исчезновение 8-лучевой звезды вместе с отстранением от власти ее последнего представителя выглядит недвусмысленным указанием на то, что именно с этим символом ассоциировались Археанактиды в глазах Спартока и его преемников.

Этот вывод влечет за собой уверенную пантикапейскую атрибуцию монет с «ΠΑ и двумя 8-лучевыми звездами» (29-30/1), а также анэпиграфной монеты с «8-лучевой звездой» (23),³³ и, в свою очередь, подразумевает следующий. Итак, монеты, наделенные 4-лучевыми звездами, чеканились на аполлонийском монетном дворе, причем данный символ является «фирменным» знаком этого эмиссионного центра. Действительно, легко

³³ Из предложенной атрибуции 8-лучевой звезды, в частности, следует, что *terminus post quem* для древнейшей монеты, наделенной этим символом (23), определяется годом прихода к власти Археанактидов (480/79 г.). Нельзя при этом не отметить, что монета резко выделяется на фоне остальных анэпиграфных эмиссий и отличается как исключительной редкостью (известен 1 экз. [Фролова, 1996, с. 58, табл. IV, 7а]), так и тем, что представлена крупным номиналом (при отсутствии младших) и, наконец, необычным решением композиции о.с., бросающимся в глаза нарочитой помпезностью (звезда дана в оригинальной трактовке и обрамлена «жемчужником»). Следует особо подчеркнуть, что перечисленные особенности образуют именно тот набор признаков, которые исчерпывающе характеризуют типично коммеморативную чеканку. Таким образом, совокупность приведенных обстоятельств побуждает склоняться к предположению, что монетой 23 могло быть отмечено утверждение у власти в Пантикапее названной династии, что, в свою очередь, подразумевает осуществление данного выпуска в 480/79 г. [ср.: Мельников, 2003, табл. I].

убедиться в том, что на всех надежно атрибутированных аполлонийских монетах (с легендой АПОΛ) присутствует либо 4-х лучевая звезда (48-50), либо стилизованный в виде крестовины ее линейный эквивалент (26-28). Таким образом, к продукции аполлонийского монетного двора следует относить не только вышеупомянутую серию 33-35 и гемиобол 31 [Мельников, 2001, с. 413, 428, прим. 18; 2003, табл. I], но и монеты 30/2, 32, а также во всех отношениях уникальный тетартеморий [Фролова, 1996, с. 64, табл. IX, 30].³⁴

Здесь уместно обратить внимание на следующее обстоятельство. Дело в том, что тенденция к типологической вариативности прослеживается не только в чеканке с АПОΛ, но отмечается и среди монет с двумя буквами, причем исключительно в вариантах с 4-лучевыми звездами и, напротив, отсутствует в «геометрической» чеканке Пантикапея.³⁵ Более того, в коллекции Р.Ф. Фрайтаха имеется еще одна неизданная разновидность монет

³⁴ Н.А. Фролова переиздала монету с типами: муравей – 4-лучевая звезда в квадрате; в двух диагональных отсеках буквы А-Π, в двух других – по точке [1996, с. 64, табл. IX, 30]. Судя по всему, тетартемории этого типа пришли на смену анэпиграфным монетам с аналогичной композицией о.с. – в последнем случае вместо букв помещены точки. Исследователи зачастую группирует эту монету (25), а также гемиобол 24, в одну серию с триоболом 23 [Анохин, 1986, с. 10, 137; Фролова, 1996, с. 58, 6-й тип; Терещенко, 2004, с. 11, Па-7]. Однако такой классификации препятствует различное решение реверсного типа: 4-лучевая (24-25) и 8-лучевая звезда (23), что справедливо отметил О.Н. Мельников [2003, табл. I]. Более того, согласно предложенной здесь эмитентной классификации, упомянутые монеты являются продукцией разных монетных дворов: 24-25 следует отнести к аполлонийскому, тогда как 23 – к пантикапейскому.

³⁵ Кажется, единственным исключением является разновидность серии с «ΠΑΝΤΙ (с несколько измененной расстановкой) на рельефных табличках вокруг 8-лучевой звезды» [Мельников, 2003, с. 177, № 10-11]. Правда, Н.А. Фролова, вслед за П.О. Бурачковым [1884, табл. XIX, 15], А.Л. Бертье-Делагардом [1907, с. 18] и В.Ф. Гайдукевичем [1949, табл. I, 2], включила в свой каталог дидрахмы, отличающиеся от «стандартного» типа с «ΠΑΝ и 8-лучевой звездой» (36-38) главным образом наличием 4-лучевой звезды [Фролова, 1996, с. 60-61, табл. XII, 10-12]. При этом исследовательница уведомляет читателя, что некоторые нумизматы считают эти монеты фальшивыми, а в отношении драхмы того же типа добавляет, что ее «можно, по-видимому, признать также подделкой» [Фролова, 1996, с. 61]. Действительно, в «геометрической» чеканке с легендами ΠΑΝ и ΠΑΝΤΙ присутствуют только 8-лучевые звезды. Кроме того, бросается в глаза даже не столько беспрецедентное (для пантикапейского серебра этого времени) расположение надписи по ходу часовой стрелки, сколько алогичная постановка альфы – достаточно указать на полное отсутствие аналогий такой ориентировке буквы. Далее, в нумизматике боспорского региона в VI-V вв. не отмечено присутствие дидрахм [Шелов, 1956, с. 64]; неизвестен этот номинал и среди случайных находок, как, впрочем, не встречено и монет этого типа. Вообще говоря, вероятность появления подделок среди монет старших номиналов увеличивает уже то обстоятельство, что изготовление штемпелей крупного размера несравненно проще в техническом отношении и сулит фальсификаторам существенно бóльшую прибыль. В этой связи представляется симптоматичным, что все три дидрахмы биты одной парой штемпелей. Поэтому остается загадкой включение в «Каталог монет Пантикапея» этих явных подделок [см.: Шелов, 1956, с. 64-65; Pochitonov, 1960, с. 24, pozn. 21].

этого типа (рис. 1, 1), представляющая собой прямой типологический аналог эмиссии Пантикапея 29-30/1.³⁶

Наблюдаемая череда манипуляций с расстановкой букв наводит на мысль о запечатленных здесь попытках аполлонийских монетариев добиться более эффективного эмитентного обособления своей продукции от монет Пантикапея. Надо думать, что к этому подталкивало совпадение двух первых букв в названии древнейших боспорских центров, усугубляемое канонизированной в раннее время «рассредоточенной» схемой их размещения в монетном поле. Вероятно, следующим шагом в этом направлении явилось введение львиного скальпа (33-35). Намеком на такую трактовку мотивов появления данного лицевого типа может служить как его репродукция в следующей аполлонийской серии 48-50,³⁷ так и то обстоятельство, что и другая сторона не осталась безучастной к подобным поискам своего эмитентного лица. В этом качестве можно рассматривать введение Пантикапеем третьей буквы (36-38), окончательно решившее проблему идентификации продукции этого центра.

Присутствие львиного скальпа в аполлонийской чеканке заставляет обратить внимание на постулируемое Н.А. Фроловой наличие данного лицевого типа в Пантикапее. В подтверждение приводятся две монеты с буквами П-А (30/1), битые одним и тем же реверсным штемпелем,³⁸ на одной из которых, по мнению исследовательницы, показана «шкура льва» [Фролова, 1996, с. 50, 60].

Решаюсь, однако, настаивать на том, что здесь имеет место досадное недоразумение. Во-первых, присутствие львиного скальпа на монетах Пантикапея V в. (с легендами ПА и 8-лучевыми звездами, ПАН и ПАНТИ) не отмечается в нумизматической литературе, равно как и неизвестно среди случайных находок (во всяком случае, автору этих строк). Во-вторых, на представленном Н.А. Фроловой экземпляре № 14 [1996, табл. VI] отсутствует раздвоенная нижняя челюсть, одинаково характерная для изображений львиных скальпов [Дюков, 1975, с. 72]. Что до второй монеты [Фролова, 1996, табл. VI, 13], то прийти к сколько-нибудь определенному выводу здесь вообще невозможно – этому препятствует смещение лицевого штампа. Ситуация, однако, усугубляется тем, что из этого, скажем так, не очевидного «факта» делается следующий вывод: «...есть все основания признать монеты с надписью АП или ПА, АПОЛ выпущенными на пантикапейском монетном дворе» [Фролова, 1996, с. 50]. Между тем, это

³⁶ Монета найдена Р.Ф. Фрайтахом в 1993 г. на берегу Таманского залива в районе одноименного городища. Вес 1,01 г, дм. 10,5-11 мм. Данный экземпляр интересен еще и тем, что предоставляет лишний аргумент в пользу существования двух эмиссионных центров, чеканивших монеты с двумя буквами. В противном случае едва ли можно оправдать появление на *однотипных монетах одного и того же достоинства* (диобол) в одном случае 8-лучевой звезды (30/1), а в другом – 4-лучевой.

³⁷ Чем полностью исключается присутствие здесь коммеморативного аспекта.

³⁸ К сожалению, изображения о.с. даны в перевернутом друг относительно друга положении [ср.: Фролова, 1996, табл. VI, 13 и 14], что затрудняет сличение штампов.

заключение представляется алогичным уже потому, что на тех же основаниях можно относить, например, древнейшее боспорское серебро к продукции Милета, Самоса, Селге, Регия и т.д. (а равно и наоборот). Наконец, последний вывод Н.А. Фроловой опровергается отсутствием общих лицевых штемпелей среди монет Пантикапея и синхронно выпускавшихся аполлонийских. Иллюстрирует это бесспорное положение различная стилистика исполнения львиных голов, представленных на диоболах с легендами АПОΛ (26) и ΠΑΝΤΙ (54) (ср.: рис. 1, 11-12 и рис. 1, 13-15).

Подводя итоги, важно еще раз подчеркнуть основной вывод. Итак, главным эмитентным признаком «геометрической» чеканки V в. (помимо развернутой до трех и более букв легенды), является солярная символика, имеющая вид 8-лучевой звезды на пантикапейских монетах (кроме «Аполлон – ΠΑΝΤ»), и 4-лучевой звезды или ее линейного эквивалента (крестовины) – на аполлонийских. В соответствии с этими дефинициями, хронологический ряд эпиграфной аполлонийской чеканки можно представить следующим образом. Первыми выпускались диобол из коллекции Р.Ф. Фрайтаха и тетартеморий [Фролова, 1996, с. 64, табл. IX, 30]. Вслед за ними идут выпуски 31,³⁹ 30/2-32 и 33-35 и, наконец, две серии с АПОΛ (48-50, 26-28).

Поскольку из вышеизложенного следует, что именно в бурном потоке событий конца V в. бесследно растворяется аполлонийская чеканка, представляется необходимым обозначить соответствующий военно-политический контекст. Итак, можно считать доказанным, что ситуация на Боспоре претерпевает кардинальные изменения около середины 30-х гг., и этот процесс связан с вхождением региона в сферу жизненно важных интересов Афин. Известно также, что выбор северного направления экспансии был во многом продиктован тщетными попытками афинян закрепиться сначала на сицилийском, а затем египетском хлебных рынках [Гайдукевич, 1949, с. 52-53; Карышковский, 1959, с. 76.; Виноградов, 1989, с. 132; Завойкин, 1992, с. 265; Суриков, 1999, с. 102-104]. Первый решительный шаг, ясно обозначивший стремление Афин укрепить свои позиции в северопонтийском регионе, исследователи связывают с именем Перикла [Гайдукевич, 1949, с. 176; Карышковский, 1959, с. 58-61; Завойкин, 2004б, с. 63; Суриков, 1999, с. 106-113]. Несколько позже усилия афинян на боспорском направлении воплотились в появлении ряда городов региона в трибутных списках архэ (МИС, № 1: 425/4 г.). И хотя мы располагаем чрезвычайно ограниченными возможностями для воссоздания более или менее целостной картины расстановки сил в «афинское» время, тем не менее,

³⁹ Сложнее подобрать место гемиоболу 31. И дело здесь не столько в наличии крестообразной композиции, резко выделяющей этот тип на фоне остальных двубуквенных монет, сколько в схеме расстановки букв легенды. Оставляя этот вопрос открытым, тем не менее, можно согласиться с выводом О.Н. Мельникова, что перед нами самостоятельный выпуск [2003, табл. I], осуществлявшийся в период становления эпиграфной аполлонийской чеканки. Во всяком случае, верхний рубеж существования данной эмиссии ограничивает серия 33-35, где ниша гемиобола занята монетой, имеющей соответствующий тип о.с. (34).

не приходится сомневаться в том, что привнесенный извне новый военно-политический фактор вывел всю систему региональных межполисных взаимоотношений из состояния устойчивого равновесия. Уже один факт длительного существования тирании Спартокидов в близком соседстве с анклавом афинской демократии (*Aeschin.* III. 171-172; *Harpocr.* Lex. s. v. Νύμφαιον) [Шелов-Коведяев, 1985, с. 90-115] предоставляет веские основания говорить о произошедшей в этот период перегруппировке сил и их поляризации, а равно и о том, что оплотом антиафинской оппозиции волею судеб оказался Пантикапей [Ростовцев, 1918 (2003), с. 67; Блаватский, 1954, с. 43-44; Блаватская, 1959, с. 49-55; Завойкин, 2000, с. 258-259; 2004б, с. 62-63; 2005, с. 62]. Нельзя при этом не отметить, что в дошедшее до нас в крайне неудовлетворительном состоянии общеисторическое полотно вносит новый важный фрагмент монетное дело Пантикапея, где около этого времени появляется чуждый для нумизматики Афин Аполлон.⁴⁰ Хотя конфронтационный характер взаимоотношений названных сил просматривается достаточно отчетливо, тем не менее, о конкретных событиях той эпохи мало что известно. Несколько расширить наши представления, кажется, способен анализ нумизматических памятников этого времени.

Следующим по времени и во всех отношениях примечательным событием явилось пресечение (едва успевшей начаться) первой эмиссии с «бараном» (57-58). Экстраординарный характер этому событию придают последовавшие затем перемены в монетном деле города: исчезновение Аполлона сопровождается реставрацией древнейшего лицевого типа, унаследованного, и это необходимо особо подчеркнуть, непосредственно из нумизматики Археанактидов. Хотя последнее обстоятельство, на первый взгляд, работает на версию о произошедшем в это время новом перевороте («Спартока II») [Молев, 1997, с. 52], однако несложно убедиться в том, что нумизматические памятники рассматриваемого времени не дают скольконибудь значимых оснований для подобных рассуждений. Скорее даже наоборот. В самом деле, нельзя сказать, что радикально-новаторская символика, характерная для эпизодического правления Спартока I, не оставила свой след в монетной чеканке ближайших преемников – она лишь отходит на второй, если угодно, оборотный план: символ Аполлона – голова барана [Зограф, 1951, с. 167]⁴¹ – доживает до начала IV в. [Зограф, 1951, с. 245, табл. XL, 4; Шелов, 1956, с. 214, табл. III, 39].⁴² В связи с этим получает

⁴⁰ В том, что культ Аполлона не получил широкого распространения в демократических Афинах, вероятно, могло иметь какое-то значение то обстоятельство, что у эллинов он носил определенный аристократический оттенок [Блаватская, 1959, с. 64].

⁴¹ Примечательно, что в архаическую эпоху в некоторых районах Греции (в частности, в Аркадии) «Аполлон почитался как покровитель стад и изображался в виде барана» [Кун, 1975, с. 32, прим. 1].

⁴² Важно подчеркнуть, что независимо от того, при каком правителе выпускались монеты «Аполлон – баран» (57-58) – Спартоке или Селевке, – преемственность власти

косвенное нумизматическое подтверждение концепция, недавно представленная А.А. Завойкиным, согласно которой Селевк являлся регентом при малолетнем Сатире [1999, с. 142 слл.].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что возвращение спартокидовского Пантикапея к символике монет Археанактидов выглядит несколько неожиданным, настолько же и неслучайным. В поисках ответа на закономерно возникающий здесь вопрос представляется уместным обратить внимание на то обстоятельство, что появление рассматриваемого феномена, скорее всего, приходится на начало Пелопоннесской войны (431 г.). Во всяком случае, синхронизация названных событий выглядит более предпочтительной, нежели вариант, предполагающий увязку появления нового лицевого типа («лев – баран») со сменой власти в Пантикапее (433/2 г.), причем к такому выводу подводит как рассмотренный выше штемпельный расклад, так и следующие соображения.

Известно, что начало военных действий в Греции серьезно осложнило положение афинян [Кондратюк, 1983, с. 336-337],⁴³ в том числе, очевидно, и с точки зрения продовольственной безопасности. В этих условиях следует ожидать, что союзный центр должен был предпринять ряд экстренных мер, направленных на укрепление своих позиций в частности на Боспоре. Так как в создавшейся ситуации положительный результат был достижим не иначе как дипломатическим путем, это подразумевает концентрацию усилий афинян по двум вероятным направлениям: на монопольном овладении хлебным рынком союзников, а также на расширении круга поставщиков (надо полагать, невзирая на их природу и политическую ориентацию). Таким образом, едва ли можно счесть большой натяжкой попытку следующим образом перефразировать известное изречение Т.В. Блаватской [1959, с. 71]: для Афин годы Пелопоннесской войны были временем самых энергичных поисков экспортеров продовольствия, причем уже приходилось искать их не только в среде греческих полисов, но и среди царей и династов. Если признать эти рассуждения не лишены оснований, в таком случае представляется наиболее логичным рассматривать возвращение Пантикапея к символике монет своих политических противников (в которых естественнее всего видеть возглавляемую Афинами анτισпартокидовскую оппозицию, олицетворяемую либо Археанактидами, либо их последователями) в качестве ответной (в данном случае положительной) реакции Пантикапея на предполагаемые инициативы афинян. Важным свидетельством в пользу установившихся в это время партнерских афино-пантикапейских отношений может являться стабильная работа монетного

Спартокидов представляется вполне очевидной и прослеживается сначала по линии лицевого типа: «Аполлон – ПАНТ» (Спарток) – «Аполлон – баран» (Спарток/Селевк), а затем оборотного: «Аполлон – баран» (Спарток/Селевк) – «лев – баран» (Селевк/Сатир).

⁴³ Особенно, если принять во внимание, что в начале Пелопоннесской войны большинство эллинов было недовольно диктатором Афин (*Thuc.* II. 8. 4-5) и, напротив, сочувственно относилось к лакедемонянам, выступавшим под лозунгом освобождения Эллады (*Thuc.* I. 69. 1; II. 72. 1).

двора Пантикапея (овеществляемая полнокровной эмиссией с «бараном в квадрате»), дающая прямое указание на бесперебойный приток в город иноземного серебра.

Пожалуй, не менее информативными представляются две серии с дифферентами (67-69, 70-72). Вообще говоря, данные выпуски примечательны во многих отношениях, но прежде всего, конечно же, тем, что здесь впервые появляется добавочная символика. Хотя А.Н. Зограф истолковывал изображение осетра (67-69) в качестве местного мотива, демонстрирующего «один из основных предметов черноморского экспорта» [1951, с. 167], и к этому выводу присоединился Д.Б. Шелов [1956, с. 23], представляется, однако, что такая сугубо «утилитарная» трактовка данного символа вряд ли может отражать замыслы монетариев.

Для прояснения ситуации попытаемся обратиться к боспорской топонимике. Между тем, выясняется, что среди названий населенных пунктов есть только одно, имеющее непосредственное отношение к исследуемому дифференту – это как раз эмиссионный центр несущих его монет. Уже в силу того, что слово «Пантикапей», имеющее древнеиранские корни, означает «рыбий путь» [Абаев, 1949, с. 170, 175, 193], представляется более логичным возводить этимологию имени города не к периодически пересыхающей речке Пантикапе (Мелек-Чесма, ныне Приморская), а к Керченскому проливу [Блаватский, 1985, с. 56], через который проходит сезонная миграция рыбы.⁴⁴ С другой стороны, осетра нельзя рассматривать в качестве *armes parlantes* Пантикапея, поскольку этому препятствует как эпизодичность появления данного символа на городских монетах, так и бессмысленность дублирования легенды. Если, наконец, принять во внимание, что в античную эпоху осетровые являлись уникальным достоянием боспорского региона, то трактовку осетра в качестве одного из символов (наряду с быком [см.: Шелов, 1956, с. 103]) его главной водной артерии следует признать приоритетной. В таком случае возникает соблазн связывать появление рассматриваемого дифферента на пантикапейском «стандарте» с событием чрезвычайной исторической важности – переходом под контроль Спартокидов обоих берегов Керченского пролива.

Что касается второго дифферента – звезда, – то представляется возможным видеть в 6-лучевом ее варианте солярный знак, олицетворяющий собой Азию вообще и азиатские территории Боспора в частности: именно на востоке, в данном случае над территорией Тамани (если смотреть из Пантикапея), неизменно восходит солнце. В виду дополнения «стандартного» типа образом «восходящего солнца» (над которым помещен символ главного городского культа – голова барана) возникает композиция, которая может быть предположительно истолкована в качестве аллегорической иллюстрации другого важного события в политической

⁴⁴ В связи с этим представляется весьма симптоматичным, что в византийскую эпоху город воспринял второе (теперь уже греческое) название пролива – «Боспор».

истории боспорского региона – завоевания Спартокидами городов Таманского полуострова.

Несколько забегаая вперед, тем не менее, уместно именно здесь сфокусировать внимание на том принципиально важном моменте, что инициация обеих эмиссий с дифферентами приходится на конец V в. [Зограф, 1951, с. 244, табл. XXXIX, 35-37; Шелов, 1956, с. 212, табл. I, 12], т.е. совпадает с периодом резкого обострения военной напряженности в боспорском регионе. Как представляется, уже одно это обстоятельство дает веские основания видеть в пантикапейских монетах с интегрированной в базовый тип символикой специальные выпуски, посвященные военным победам Спартокидов.

Если положиться на такое толкование добавочной символики, это в частности позволяет подтвердить справедливость недавно предложенной А.Е. Терещенко последовательности выпуска рассматриваемых серий: «Па-13» (70-72), «Па-14» (67-69) [2004, с. 14-15], и тем самым придать некую долю конкретики предварительной трактовке монет с «осетром» (67-69). Итак, представляется возможным предположительно связывать появление данного выпуска с включением в состав Боспора последнего в бассейне Керченского пролива независимого восточно-крымского города – Нимфея.⁴⁵ Таким образом, вносится некоторая определенность в последовательность предпринятых Пантикапеем военных акций, а именно: первым было аннексировано боспорское левобережье (70-72), а затем произошли скандальные события вокруг Нимфея (67-69). Наконец, немаловажное значение для реконструкции событийной канвы интересующего нас времени может иметь еще и то обстоятельство, что обе рассматриваемые эмиссии образуют компактную в хронологическом отношении группу,⁴⁶ что, в свою очередь, может указывать на осуществление упомянутых акций в рамках единой военной кампании.

Надо сказать, что информация о резком обострении военной напряженности в боспорском регионе на исходе V в. на редкость обильна. Так, литературная традиция (*Aeschin.* III, 171-172; *Schol. ad Aeschin.* III, 71) сообщает о переходе Нимфея под власть боспорских тиранов. Из Эсхина же (III, 171) известно о сделанном последними широким жесте – передаче «в дар» афинянину Гилону значительного таманского города. Это указывает на распространение экспансии Пантикапея на восточное побережье пролива и позволяет рассматривать посаженную в Кепях администрацию не иначе как в качестве оккупационной [Васильев, 1992, с. 125; Кошеленко, Усачева, 1992, с. 51-56; Завойкин, Сударев, 2006, с. 133-134].

⁴⁵ Трудно переоценить значение этого приобретения для Спартокидов, ибо Нимфей занимал стратегически важное положение, позволявшее контролировать южный вход в Керченский пролив.

⁴⁶ Отталкиваясь от единой стилистики исполнения львиных морд, А.Н. Зограф выделил монеты с дифферентами в отдельную группу [1951, с. 167], а Д.Б. Шелов даже счел возможным объединить их в одну серию [1956, с. 22].

В обстоятельной аналитической работе, посвященной изучению материалов археологических исследований нижних слоев городища Фанагории (второй половины V – начала IV вв.), А.А. Завойкин пришел к следующему категорическому заключению: «...принимая во внимание хронологию разгрома города и его последствия, а также отсутствие в колчанах прикубанских меотов бронзовых наконечников стрел, можно настаивать на том, что беда пришла в Фанагорию из-за пролива, со стороны Пантикапея» [2004а, с. 71]. Не менее примечательно другое наблюдение специалиста: «При просмотре... материалов погребальных памятников Восточного Крыма, обильных наконечниками стрел, трудно избавиться от впечатления, что погребенные здесь лучники «приложили руку» к разгрому Фанагории в конце V в.» [Завойкин, 2004а, с. 70]. Таким образом, литературные, археологические и нумизматические источники позволяют уверенно приписывать авторство в разыгравшейся на Боспоре в конце V в. драме пантикапейским тиранам, действовавшим рука об руку с туземными соседями по Восточному Крыму.⁴⁷

Едва ли можно сомневаться в том, что наиболее благоприятная внешнеполитическая обстановка, способная вселять надежды на успешную реализацию агрессивных планов Пантикапея, могла сложиться не ранее 413 г. Известно, что разгром союзного флота в Сицилии (*Thuc.*, VIII, 1-44) самым пагубным образом сказался на репутации Афин, и, в частности, незамедлил привести в действие цепную реакцию развала архэ [Гриневич, 1946, с. 163; Кондратюк, 1983, с. 340-341]. И хотя афинянам удалось подавить восстания союзников, тем не менее, все имеющиеся данные указывают на то, что своего рода детонатором, взорвавшим установившийся на Боспоре около середины 430-х гг. *status quo*, явились известия из Сицилии [Блаватская, 1959, с. 71]. Небезынтересно отметить, что указанная дата находится в соответствии с пересмотренной недавно В.И. Кацем датировкой начала гераклеяского фабрикантского клеймения, которое специалист относит к 415-410 гг. [Кас, 2003, S. 272-273]. Отсутствие этих клейм в слое разрушения Фанагории конца V в. [Завойкин, 2004а, с. 102] укрепляет уверенность в том, что сигналом для Пантикапея к началу решительных действий явился разгром Сицилийской экспедиции и последовавший в 412/1 гг. массовый выход государств-сателлитов из Афинского морского союза [Кондратюк, 1983, с. 340-341]. Наконец, к выводу о начавшихся в указанный период масштабных военных действиях на Боспоре подводит приходящееся примерно на это же время безвозвратное прекращение аполлонийской чеканки.

Итак, если принять за точку отсчета установленную выше дату начала производства серии «лев – АПОΛ» (ок. 435 г.), а также при наличии 22 лицевых штемпелей диоболов этого типа (26) [Фролова, 1996, с. 65-66], мы

⁴⁷ По сведениям о случайных монетных находках, сделанных на Гаркушанском городище (Патрей) за последние примерно два десятилетия, здесь отсутствует материал, относящийся к концу V – первой половине IV вв. Это обстоятельство может указывать на то, что этот населенный пункт не только разделил участь Фанагории, но, в отличие от нее, длительное время лежал в руинах.

приходим к прекращению аполлонийской чеканки ок. 413 г. Следует напомнить, что к близкому результату (ок. 410 г.) [Зограф, 1951, с. 244, табл. XXXIX, 33-34] приводит штемпельный расклад параллельной чеканки Пантикапея с «бараном в квадрате» (54-56), если, разумеется, связывать реставрацию львиной морды с потеплением в афино-пантикапейских отношениях в связи с началом Пелопоннесской войны (431 г.).⁴⁸ Таким образом, практически синхронное пресечение аполлонийской чеканки и выпуска пантикапейского «стандарта» укрепляет уверенность в наличии причинной связи между этими событиями и начавшимися на регионе масштабными военными действиями, имевшими следствием формирование территориального Боспорского государства [Завойкин, 2004а, с. 93-94; 2005, с. 63-64].

Наметив верхний рубеж существования аполлонийской чеканки, мы тем самым подошли к центральному вопросу, вынесенному в заглавие статьи, и вместе с тем, – к ситуации полной неопределенности, когда остается либо пойти по пути преумножения, в общем-то, и без того ни с чем не сравнимого обилия гипотез, либо оглянуться назад и попытаться проанализировать имеющиеся. Но прежде, очевидно, имеет смысл попробовать разобрататься в природе разительного сходства аполлонийских монет с пантикапейскими, что в сочетании с молчанием источников об Аполлонии заставило исследователей долго «блуждать в потемках», почти неизменно приводя либо в Пантикапей, либо в его ближайшие окрестности [см.: Васильев, 1992, с. 125-126, прим. 41].

Представляется, однако, что продукция интересующего нас центра вряд ли могла выглядеть иначе, причем независимо от его локализации (разумеется, в пределах боспорского региона). Кажется, от внимания исследователей ускользнуло одно обстоятельство, имеющее здесь решающее значение.

Речь идет об инерционных особенностях восприятия, свойственных как индивидуальному, так и общественному сознанию. Известно, что эта специфическая черта человеческого интеллекта наиболее контрастно проявляется в такой пестрой этнокультурной среде, какая в частности существовала на Боспоре в раннее время: с одной стороны – «цивилизованные» греки, а с другой – еще слабо эллинизированные туземцы. Немаловажно подчеркнуть и то, что, безусловно, находившееся на более высокой ступени общественного развития греческое население вряд ли было однородным, и на заре денежного обращения сам фактор новизны монеты мог иметь существенное значение в формировании стереотипного взгляда на то, как должны выглядеть «настоящие» деньги. В этой ситуации представляется вполне оправданным решение монетариев остановить свой выбор на типе, который был хорошо известен на Боспоре и успел завоевать

⁴⁸ Что, в свою очередь, дает *terminus post quem* для только что рассмотренных эмиссий с дифферентами (70-72, 67-69).

всеобщее доверие.⁴⁹ Важно подчеркнуть, что соблюдение этого условия только и могло гарантировать успех и органичное вхождение новой монеты в торговый оборот.

Сказанное в равной степени относится и к Пантикапею. Кажется, лишь в присутствии указанного обстоятельства находит вразумительное объяснение тот непреложный факт, что город начинает чеканку не с самобытного типа, но, по сути дела, вплоть до переворота Спартока «клонировать» один из древнейших монетных типов, завезенный на Боспор, очевидно, из Малой Азии, где, как уже говорилось, львиные сюжеты были особенно популярны. Ситуация претерпевает кардинальные изменения лишь в последней трети V в., когда, вероятно, под мощным культурным воздействием афинян выпуск двусторонней «художественной» монеты осваивают большинство местных центров.

Поскольку изложенные соображения очерчивают территорию поиска эмиссионного центра аполлонийских монет в границах всего боспорского региона (за вычетом Пантикапея), в этой обстановке могут представлять особый интерес сведения о случайных находках монет V в., сделанных за последние примерно два десятилетия в боспорском регионе (учтено не менее 430 экз.).

Должен сразу оговориться, что выявить ареал преимущественного обращения древнейших анэпиграфных монет с высокой степенью надежности не удалось, и причиной тому – значительная редкость находок монет среди этой категории нумизматического материала. Вместе с тем, нельзя не отметить, что, в отличие от Керченского п-ва, на Таманском монеты VI в. встречаются более или менее регулярно.

Среди анэпиграфных монет первой половины V в. следует выделить относительно часто встречающиеся на Тамани диобол с «4-лучевыми звездами в свастико-флажковом орнаменте» (20), «беззвездный» диобол того же типа (15) и особенно – монеты «с двумя точками» (17-18). Причем данные по случайным находкам монет двух последних типов согласуются с выводом исследователей о длительном их производстве [Шелов, 1949, с. 145; Голенко, 1974, с. 69; Абрамзон, Фролова, Горлов, 1999, с. 47-48; Мельников, 2003, табл. I].⁵⁰

⁴⁹ Правда, Д.Б. Шелов полагает, что «до начала пантикапейской чеканки систематического денежного обращения на Боспоре не существовало» [1956, с. 15]. Следует, однако, иметь в виду, что это заключение основывается на отсутствии находок импортных монет VI в. (кроме кизикинов, датируемых не ранее второй половины столетия [Шелов, 1956, с. 14]),² что, в общем-то, неудивительно, поскольку едва ли можно сомневаться в том, что с древнейших времен импортная монета служила сырьем для производства местной.

⁵⁰ Пожалуй, только С.А. Коваленко полагает, что «Внезапное и многократное увеличение числа лицевых штемпелей гемидиоболов в четвертом выпуске (монеты с «двумя точками» (17-18) – В.С.) является несомненным свидетельством всплеска активности монетного двора» [2005, с. 362]. Между тем, это положение, в сущности, ничем не подкреплено, а в свете поправки С.И. Болдырева (см. выше) выглядит крайне сомнительным.

В отношении монет с двумя буквами небезынтересно отметить, что экземпляры с 4-лучевыми звездами встречаются на Таманском п-ве хотя и относительно редко, но, тем не менее, примерно втрое чаще, чем с 8-лучевыми. Что касается ситуации в Восточном Крыму, то здесь наблюдается обратная, правда, менее ярко выраженная тенденция.

Статистически репрезентативную информацию удалось собрать о монетных находках последней трети V в. (учтено не менее 180 экз.).⁵¹ Итак, если соотношение находок монет с АПОΛ (26-28) и эмиссии Пантикапея с «бараном в квадрате» (54-56) в Восточном Крыму примерно равное, то сведения, собранные на Тамани, дают более чем трехкратное превышение находок аполлонийских монет над пантикапейскими.⁵² Любопытно, что тенденцию более частых находок монет с АПОΛ на Таманском п-ве отмечал еще Д.Б. Шелов [1965, с. 33-34], однако незначительное число известных тогда паспортных находок не позволило ученому прийти к выводу об основном ареале их обращения.

Интегрированные данные рисуют следующую картину денежного обращения Тамани в указанное время: ок. 65% – монеты с АПОΛ (26-28), ок. 20% – монеты с ΠΑΝΤΙ (54-56), ок. 5% – монеты «Аполлон-ΠΑΝΤ», а также выпуски Нимфея с легендами ΝΥΝ (рис. 1, 16),⁵³ ΣΑΜΜΑ [Мельников, 2001, с. 434, рис. 1, 7/1] и ΣΑΜ,⁵⁴ и наконец, ок. 10% – кизикины (рис. 1, 17)⁵⁵ и серебро импортного происхождения. Последняя группа представлена тетрадрахмой Афин (рис. 1, 18)⁵⁶ и родосским тетроболом (рис. 1, 19).⁵⁷

Приведенные данные, как мне кажется, дают веские основания к тому, чтобы снять давно поставленный вопрос об отсутствии ранней монетной чеканки на Тамани [Зограф, 1951, с. 169; Шелов, 1956, с. 34-35]. Вообще

⁵¹ В сводке не учтены монеты Пантикапея с дифферентами (70-72, 67-69), так как они выпускались после прекращения аполлонийской чеканки. Не учитывались также монеты с ΣΙΝΔΩΝ – сведения об этой группе (заведомо таманского происхождения) в данном случае не только бесполезны, но, напротив, привели бы к неоправданному «искажению» общей картины. Поэтому представляется целесообразным привести их отдельно.

⁵² Вероятно, это как раз тот редкий случай, когда можно говорить о значительно более высокой интенсивности работы аполлонийского монетного двора (в сравнении с пантикапейским).

⁵³ Монета найдена Р.Ф. Фрайтахом в 2006 г. на городище Тамань 3. Вес 1,69 г, дм. 10,5-11,5 мм.

⁵⁴ Монета будет опубликована в другом месте.

⁵⁵ Кизикская электрова гекта (протома крылатого кабана влево, туец) относится ко второму периоду (550-475 гг. [Fritze, 1912, no. 61, Taf. II, 12]). Найдена Р.Ф. Фрайтахом в 1997 г. на городище Тамань 3. Вес 2,61 г, дм. 12 мм.

⁵⁶ Фрагментированная тетрадрахма Афин (вес обломанного (плугом?) экземпляра 10,15 г) найдена Ю.Н. Палаткиным (Тамань) в 2004 г. на городище Тамань 3 и, судя по всему, относится к 449-413 гг. По-видимому, это второй случай находки афинского серебра V в. на Таманском п-ве [Абрамзон, Фролова, Горлов, 1999, с. 45-46, табл. IV, 53] и третий – на Боспоре [Мельников, 2001, с. 429, прим. 27; с. 434, рис. 2, 16].

⁵⁷ Монета найдена Р.Ф. Фрайтахом в 1998 г. на городище Тамань 3. Чеканилась в 408-400 гг. (?) Магистрат ..ΑΣΑΝΔΡΟΣ. Вес 2,58 г., дм. 14 мм.

говоря, таманская атрибуция аполлонийских монет представляется глубоко закономерной и уже потому, что локализация этой мощной чеканки в Восточном Крыму (Пантикапей, Нимфей, Мирмекий – не суть важно) создает аномально высокий эмиссионный дисбаланс, рисующий картину чрезвычайно далекую от наблюдаемой в V в. в обеих частях Боспора демографической и экономической обстановки. Кроме того, невообразимо сложно представить ситуацию, при которой такой крупный таманский полис, как Фанагория, мог бы пользоваться разнокалиберной импортной монетой в течение почти полутора веков,⁵⁸ а равно и находиться в долговременной (вплоть до конца V – начала IV вв.!) финансовой зависимости от другого государства – Пантикапея.⁵⁹

Все это побуждает возвратиться к истокам и воздать должное проницательности и исследовательскому таланту двух крупнейших отечественных нумизматов – А.Н. Зографу и Д.Б. Шелову, – которые настаивали на существовании на Боспоре в раннее время второго автономного эмиссионного центра и, что немаловажно, видели в нем одноименную городскую общину [Зограф, 1951, с. 165-166; Шелов, 1956, с. 23-28].

В свете таманской региональной локализации аполлонийского эмиссионного центра приобретает особую значимость концепция Е.И. Похитонова, согласно которой монеты с АПОЛ чеканились в Фанагории,⁶⁰ а «Аполлония» является древнейшим названием этого полиса [Pochitov, 1960, с. 29-34]. Среди доводов, предъявленных исследователем, на мой взгляд, заслуживают внимания следующие.

Во-первых, монеты с АПОЛ чеканил такой же крупный город, как и Пантикапей, и «этому условию в полной мере может соответствовать только Фанагория» [с. 30]. «Замечание В.Д. Блаватского [1954, с. 24-26], что Нимфей, будучи значительным городом, мог бить свою монету ранее

⁵⁸ Такой постановке вопроса решительно противоречит чрезвычайная редкость находок импортного серебра. В противном случае следует ожидать значительный процент находок иноземных монет на Таманском п-ве.

⁵⁹ Если же допустить существование в раннее время трансбоспорской эмиссионной схемы, замкнутой на Пантикапей, в таком случае необходимо признать, что власти этого государства оказываются в неправдоподобно привилегированном положении, которое, среди прочего, создает идеальные условия для разного рода финансовых злоупотреблений и, в частности, провоцирует возвести в норму затягивание сроков исполнения заказа. Вряд ли стоит доказывать, что суммы, вырученные даже от кратковременного коммерческого прокручивания таманского серебра, (вплоть до предоставления ссуд тем же городам Тамани), должны были явиться серьезной доходной статьей для бюджета подрядчика. Наконец, реализация данной схемы влечет за собой дополнительные и, надо полагать, значительные накладные расходы (разумеется, для таманской стороны), обусловленные необходимостью обзавестись специальным казначейским судном и обеспечить его надежной охраной.

⁶⁰ Нельзя не отметить недавнюю попытку локализации аполлонийской чеканки в Фанагории, предпринятую А.Е. Терещенко. Следуя в русле союзной трактовки монет с АПОЛ, исследователь допускает возможность существования монетного двора в крупнейшем городе Тамани в третьей четверти V в. [Терещенко, 1999, с. 88].

последней четверти V в., на самом деле лишь подчеркивает наличие существенно более веских оснований для раннего возникновения монетной чеканки в Фанагории» [с. 31].

Во-вторых, «Фанагория была основана в исключительно удачном месте, что создавало благоприятные условия для развития торговли как с греческими городами Понта и Средиземноморья, так и с туземным населением, жившим в долине Кубани» [с. 30].

В-третьих, «С древнейших времен Фанагория занимала важнейшее положение среди греческих городов азиатской части Боспора. Об этом, в частности, свидетельствует ее монетное дело – после Пантикапея это единственный город, бивший монету на протяжении нескольких веков (разумеется, с перерывами), в то время как другие города (Нимфей, Феодосия) чеканили монету лишь в течение нескольких десятилетий» [там же].

Далее, Е.И. Похитонов указывает на «одно серьезное препятствие, под которым имеется в виду следующее свидетельство Гекатея Милетского,.. дошедшее в изложении Стефана Византийского (Fr. 164, Jac. 212, St. Byz.): «Город Фанагория был назван в честь Фанагора, как сообщает Гекатей в описании Азии». Из приведенного отрывка следует, что город уже в VI или в начале V в. до н.э. назывался Фанагорией, чем полностью исключается возможность его отождествления с Аполлонией... С этим выводом можно было бы согласиться, но лишь в том случае, если быть полностью уверенным, что данная справка действительно принадлежит Гекатею Милетскому, жившему в VI в. до н.э. Здесь, однако, есть одно «но». Дело в том, что приведенное Стефаном сообщение Гекатея следует скорее относить к Гекатею из Эритреи, жившему в IV или III в. до н.э. Основанием для такого вывода служит одно место в Athenika (II, str. 70), где Каллимах утверждает, что «Описание Азии» (из которого приведен интересующий нас отрывок), приписываемое Гекатею Милетскому, на самом деле принадлежит «островитянину». «Островитянин» – это как раз и есть Гекатей с острова Эритрея, как удалось выяснить Швейгхаузеру. Отсюда, между прочим, следует, что считавшееся древнейшим сообщением о Фанагории относится не к VI в. до н.э., но, вероятнее всего, взято из перипла Псевдо-Скилака, написанного, по мнению Мюллера, в 338-335 гг., а по Унгеру – в 356 г. до н.э.» [с. 33].

В развитие заданного Е.И. Похитоновым направления можно привести соображения иного рода. Прежде всего, представляется крайне маловероятным изначальное принятие общиной переселенцев имени своего ойкиста. Известно, что практика присвоения городам личных имен современников укоренилась значительно позже – в эллинистическую эпоху, – и связывается в основном с деятельностью Александра Великого и диадохов. Достаточно упомянуть присвоение Анапскому поселению имени одного из Спартокидов или переименование Пантикапея и Фанагории в Кесарию и Агриппию в период принципата Августа. Можно, наконец, вспомнить южно-понтийскую Амастрию, основанную в 301 г. и названную

гераклейским тираном Дионисием, вероятно, в честь своей жены (*Strabo*. XII. 3. 10).

Принципиально иная картина наблюдается в раннее время. Отличительной чертой эпохи греческой архаики и классики является несовместимость ментальных представлений гражданского общества с героизацией своих современников. Столь же не случайным выглядит и то обстоятельство, что в этот период отсутствуют прецеденты замещения на монетах изображений божеств или полисных эмблем портретами правителей (самого разного толка: от демократически избранных до тиранов). В связи с этим уместно вспомнить близкого нам и, вероятно, не лишеного тщеславия Сатира I, который, тем не менее, проявляет завидную сдержанность, лишь только дело касается монетной чеканки, и «гриммирует» свое лицо под образ одноименного мифологического персонажа [Зограф, 1951, с. 171-172].

Итак, изначальное присвоение имени ойкиста Фанагории (*Ps.-Scymn.* 886 sq; *St. Byth.* fr. 55 Roos), а равно и Гермонассе (*Eustath. ad Dionys. Per.*, 549) или же, как в последнем случае, его жены (*St. Byth.* fr. 55 Roos), следует признать примерами из ряда вон выходящими [см.: Кузнецов, 2001, с. 233], к тому же избыточно акцентированными тем обстоятельством, что оба известных (во всяком случае, автору этих строк) случая встретились на Боспоре у ближайших соседей.⁶¹

Вместе с тем, следует обозначить и два других препятствия на пути к принятию концепции Е.И. Похитонова, а именно: отсутствие данных о существовании в Фанагории культа Аполлона в раннее время (ранее IV в.), а также наличие в метрополии иного главного культа (Геракла).⁶² В отношении первого пункта можно, пожалуй, сослаться на слабую изученность нижних слоев фанагорийского городища. Что касается проблемы нестыковки патронажных культов в метрополии и ее колонии, то здесь чрезвычайно любопытный (в силу своей близкородственности) прецедент создает смена главного культа в другой теосской апойкии – Абдере, – где верховным божеством, вероятно, был Аполлон. П.П. [1951, с. 84-85].

⁶¹ Представляющаяся высокой вероятностью наличия у Гермонассы иного изначального имени подразумевает возможность отождествления этого крупного таманского полиса с Аполлонией. Нельзя при этом не признать, что отсутствие монет с легендами ЕР, ЕРМО и т.п. резко снижает вероятность существования в городе монетного двора в V в. Правда, В.А. Анохин считает гермонасскими две анэпиграфные монеты [1999, с. 21, рис. 1, 6; 2, 5], причем сопровождает публикацию несколько неожиданным заключением – о последовавшей ок. 470 г. утрате Гермонассой полисного статуса в связи с «присоединением города к Пантикапею» [там же]. Следует, однако, заметить, что неясность лицевых типов, равно как и отсутствие данных о месте находки этих монет, не дают полной уверенности в боспорском их происхождении.

⁶² Выражаю признательность В.Д. Кузнецову за эту и другие справки.

И, наконец, последнее и, пожалуй, наиболее серьезное препятствие. Дело в том, что предпринятую Пантикапеем в конце V в. широкомасштабную экспансию, имевшую следствием, в частности, разгром Фанагории (с последующим включением города в состав Боспора) [Завойкин, 2004а, с. 16-94, 114-115], чрезвычайно сложно совместить с появлением около этого времени монет с легендами ФАНА/ФА [Зограф, 1951, с. 244, табл. XXXIX, 43-45; Шелов, 1956, с. 213, табл. II, 26-28]. Более того, в связи с предполагаемой фанагорийской атрибуцией аполлонийских монет возникает поистине гордиев узел проблем. С одной стороны, казалось бы, все указывает на то, что чеканку с АПОЛ оборвала агрессия Сатира на Тамань, однако, как легко заметить, ситуацию заводит в тупик тот же самый военно-политический контекст, не оставляющий места для фанагорийской чеканки. С другой стороны, не менее логично связывать прекращение выпуска монет с ФАНА/ФА с включением их эмиссионного центра в состав Боспора [Анохин, 1986, с. 30; Завойкин, 1995, с. 90-91; 2004а, с. 96; Мельников, 2003, с. 182]. Однако в этом случае мы оказываемся перед необходимостью признать, что чеканку с АПОЛ осуществляла не Фанагория и, соответственно, Аполлонией назывался какой-то другой таманский город.⁶³

Так как последнее представляется маловероятным (равно как и не приходится сомневаться в объективности указанного стечения обстоятельств), то в возникающей таким образом парадоксальной ситуации, по сути дела, ничего иного не остается как признать несостоятельность возобладавшей в последнее время точки зрения, согласно которой чеканка с ФАНА/ФА является важнейшим свидетельством в пользу государственного суверенитета Фанагории [Васильев, 1992, с. 126-127; Завойкин, 2004а, с. 92, 96]. И, соответственно, на передний план выдвигается, казалось бы, «пройденная» версия, предполагающая квазиавтономный характер ранней фанагорийской чеканки [Белова, 1954, с. 45; Сопова, 1973, с. 130].⁶⁴ Нельзя, однако, не заметить, что и здесь не все благополучно, ибо данная гипотеза

⁶³ Или же, как заметил (приватным образом) А.А. Завойкин, переименование произошло ранее завоевания города. Признавая правомерность такой постановки вопроса, вместе с тем, необходимо признать и то, что самопереименование городской общины в мирное время крайне маловероятно (а в том, что мы имеем дело с инициативой его граждан, едва ли можно сомневаться (если, разумеется, допустить переименование Аполлонии в Фанагорию)). Кроме того, в этом случае следовало бы ожидать появления в фанагорийской чеканке неких переходных форм, отражающих преемственность монетной типологии. Правда, есть упоминание о монете с головой льва и буквами ФА во вдавленном квадрате [см.: Зограф, 1951, с. 169], однако уверенности в существовании монет этого типа нет и сегодня. Зато в нашем распоряжении есть другой нумизматический памятник, дающий прямое указание на исчезновение имени «Аполлония» около рубежа V-IV вв. (см. ниже).

⁶⁴ Стойкий оттенок ирреальности имеет и другая гипотеза, согласно которой ранняя фанагорийская чеканка рассматривается в качестве проявления тенденций к полисному сепаратизму [Белова, 1954, с. 86; Шелов, 1956, с. 51]. Невозможно себе представить ситуацию, при которой Спартокиды могли бы безучастно взирать на подрывные действия оппозиции, причем на протяжении нескольких лет кряду.

идет вразрез с магистральной тенденцией к монополизации эмиссионной деятельности в государстве Спартокидов, получившей зримое воплощение в уничтожении полисных чеканок вслед за подчинением субъектов эмиссионного права [Васильев, 1992, с. 127; Завойкин, 2004а, с. 96]. Между тем, этот вывод замыкает круг, возвращая нас в исходную ситуацию полной неопределенности.

Признаться, я сознательно сгустил краски, и пошел на это с тем, чтобы более контрастно оттенить нижеследующее. Дело в том, что приемлемый выход из создавшейся ситуации позволяет найти информация, собранная О.Н. Мельниковым. Исследователь, в частности, сообщает, что в Нимфее не зафиксировано находок раннего фанагорийского серебра [Мельников, 2001, с. 429, прим. 31]. По следам этой справки удалось выяснить не менее любопытную деталь, а именно: данное сообщение можно экстраполировать на все боспорское правобережье. Возникающее при этом недоумение только усиливает осознание того непреложного факта, что синхронные эмиссии Пантикапея (как, впрочем, и монеты любого другого периода) представлены на Тамани с исчерпывающей полнотой. Более того, беру на себя смелость утверждать, что данный случай вообще уникален, причем в масштабах всего исторического пути, пройденного античной цивилизацией на Боспоре.

К сожалению, наблюдение О.Н. Мельникова осталось либо не замеченным, либо не было должным образом оценено, в том числе и им самим – вряд ли адекватен данной ситуации тезис, которым автор резюмирует свою справку: «Это нужно расценивать как факт резкой переориентации внутрибоспорских связей Нимфея после вхождения полиса в состав «Боспора» [Мельников, 2001, с. 429, прим. 31].

Между тем, отсутствие раннего фанагорийского серебра на восточном побережье Керченского п-ва представляется чрезвычайно симптоматичным и, как мне кажется, способно прояснить не только, точнее даже не столько экономическую, сколько военно-политическую обстановку, сложившуюся в боспорском регионе около рубежа V–IV вв. Думается, что это обстоятельство следует расценивать не иначе как в качестве прямого свидетельства, указывающего на формирование ситуации жесткой военно-политической конфронтации между Спартокидовским Восточным Крымом и Таманью в период существования фанагорийской чеканки. Иначе говоря, выявленный нумизматический феномен позволяет прийти к заключению, что под занавес V в. над Боспором опустился своего рода непроницаемый «железный занавес».

Здесь уместно обратить внимание на появление в дебютной чеканке Фанагории преисполненной агрессией быка, так сказать, «гераклейской породы» [Зограф, 1951, с. 170; Шелов, 1956, с. 51]. Исследователи допускают возможность, что Гераклея могла иметь реальные интересы не только в Крыму, но и на потивоположной стороне Боспора [Зограф, 1951, с. 170;

Каллистов, 1949, с. 214; Завойкин, 2000, с. 252, 263].⁶⁵ Действительно, в виду синхронного появления аналогичного сюжета на монетах другой жертвы агрессии Сатира – Феодосии (82) [Сапрыкин, 1986, с. 76; Шонов, 2002, с. 330], – на стороне которой Гераклея вела боевые действия (*Polyaen.* V, 23; VI, 9, 3-4; *Ps. Arist.* Оес. II, 2, 8), возникает соблазн связать эти недвусмысленные нумизматические аналогии с военной помощью, оказанной этим южно-понтийским полисом в изгнании Спартокидов из пределов Тамани.

Итак, все имеющиеся данные, как то: вторжение Сатира в «Азию», присутствие гераклеянской символики в послевоенной фанагорийской чеканке (а равно и самой Гераклеи на Боспоре), приходящийся на это время разрыв экономических связей таманско-прикубанского региона со Спартокидовским Восточным Крымом – суть события одного порядка, свидетельствующие о происходивших здесь драматических коллизиях, из которых восточно-боспорскому региону удалось выйти победителем.

Этот вывод, в свою очередь, позволяет сформулировать ряд других.

1. Получает новое фактическое подтверждение пантикапейская идентификация агрессора, подвергшего Фанагорию (а вместе с нею, вероятно, и некоторые другие города Тамани) катастрофическим разрушениям.

2. Инициатива по разрыву отношений с Пантикапеем исходила от таманской стороны. В самом деле, не приходится ожидать от жертвы агрессии никакой иной реакции, нежели переход к жесткой конфронтации с агрессором.

3. Можно констатировать полное освобождение таманско-прикубанского региона от пантикапейских захватчиков. Такой вывод следует из факта повсеместного хождения здесь раннего фанагорийского серебра: случайные находки монет с легендами ФАНА/ФА зафиксированы в отдельных пунктах, разбросанных по всей территории Темрюкского и Анапского районов.

Коль скоро последнее препятствие, кажется, пройдено, можно попытаться расширить доказательную базу концепции Е.И. Похитонова. Здесь представляется небесполезным обратить внимание на следующий нюанс: наличие прямой ассоциативной связи между именем «Аполлония» и главным божеством Пантикапея. Как знать, возможно, агрессивные действия Спартокидов и творимые ими на земле Тамани бесчинства могли восприниматься здесь в качестве проявления воли божества, вставшего на сторону агрессора, что в конечном итоге и могло подвигнуть городскую общину к принятию решения об изменении самоназвания. Неким симптомом, как представляется, указывающим на существование протестного отвращения фанагорийцев от Аполлона, может являться

⁶⁵ Несмотря на то, что литературные источники не сообщают о вовлечении Гераклеи в военные действия на Тамани, тем не менее, следует ожидать, что этот регион должен был вызывать у гераклеотов существенно больший интерес, чем Восточный Крым и уже хотя бы потому, что на тот момент являлся ведущим производителем товарного хлеба в Причерноморье [Кузнецов, 2000, с. 108].

угасание в городе культа этого божества.⁶⁶ Хотя существование здесь святилища Аполлона подтверждено эпиграфически, вместе с тем, представляется далеко не случайным, что единственная из известных надписей такого рода (КБН, 974) относится к IV в., т.е. соответствует культовым реалиям начального периода пребывания Фанагории в составе Боспора.

В завершении разговора об аполлонийской чеканке хотелось бы обозначить еще один, кажется, ранее не поднимавшийся вопрос. Речь идет о давно ставшем хрестоматийным положении, согласно которому древнейшие боспорские монеты принадлежат Пантикапею. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что этот постулат, в сущности, ничем не подкреплён и целиком покоится на стереотипном взгляде, уходящем корнями в начало XIX в., когда боспорская нумизматика делала самые первые шаги. Не претендуя на всестороннее раскрытие данного вопроса, вместе с тем, хотелось бы в эскизной форме наметить узловые моменты, могущие стать основой для дальнейших исследований.

Итак, в нашем распоряжении есть лишь один бесспорный факт: древнейшим типом боспорских монет является голова льва. Коллизию же рождает то обстоятельство, что этот мотив воспроизводится двумя параллельными чеканками. В создающейся таким образом ситуации полной неопределенности, подразумевающей равновероятную принадлежность анэпиграфных монет одному из двух раннебоспорских центров,⁶⁷ существенное значение приобретают косвенные данные. В свете таманской региональной атрибуции аполлонийских монет к числу таковых следует отнести сопоставление военно-политической, экономической и демографической ситуации, существовавшей на противоположных берегах

⁶⁶ Аналогичную, правда, менее ярко выраженную тенденцию, кажется, можно проследить на примере другого восточно-боспорского города – Гермонассы. Несмотря на то, что на Таманском городище найдено ряд посвящений, свидетельствующих о значительной продолжительности существования здесь культа Аполлона (IV-II вв.), тем не менее, представляется симптоматичным исчезновение Аполлона из пантеона гермонасских божеств вместе с падением Спартокидов.

⁶⁷ Первую попытку эмитентного разделения анэпиграфного боспорского серебра предпринял Д.Б. Шелов и предположительно отнес к аполлонийским монету с «8-лучевой звездой» (23) [1956, с. 24, 28]. В.А. Анохин расширил эмиссионный список этого центра и отнес к чеканке «храма Аполлона» монеты 14, 17-18, 23-25 [1986, с. 136-137; 1999, с. 18, 22]. Однако дальше всех пошел О.Н. Мельников. Исследователь, по сути дела, синхронизирует возникновение панткапейской и аполлонийской чеканок (с небольшим хронологическим зазором, несколько удрежняющим первую) [2003, с. 178]. Не имея возможности подробно рассмотреть каждую из перечисленных версий, представляется уместным ограничиться ссылкой на мнение А.Н. Зографа. Выдающийся отечественный нумизмат воспринимает древнебоспорскую чеканку как единый эмиссионный организм [Зограф, 1951, с. 164-165], развивающийся «...в полном согласии с историей монетного дела в ранние периоды в других местах» [с. 167]. Впрочем, из этой монолитной эволюционной схемы, по всей видимости, выпадает монета лишь одного названного Д.Б. Шеловым типа – 23.

Боспора в период зарождения здесь монетной чеканки (ориентировочно в последней четверти VI в.) [Анохин, 1986, с. 17-18, 136].

В отношении первого из названных пунктов следует сказать, что в интересующий нас период военно-политическая обстановка была примерно одинаково тревожной [Завойкин, Сударев, 2006, с. 118-120, 123, 129]). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что рост военной напряженности на Таманском п-ве [Завойкин, Сударев, 2006, с. 118-120] сопровождается лавинообразным расширением сельскохозяйственной хоры [Абрамов, Паромов, 1993, с. 73, 78-79], чем создается разительный демографический контраст с ситуацией в Восточном Крыму [Абрамов, Паромов, 1993, с. 78-79; Масленников, 1996, с. 63; Завойкин, Сударев, 2006, с. 121-122].

Нельзя сбрасывать со счетов и такой важный показатель как качественная сторона колонизационного процесса. Если в ходе милетской колонизации из метрополии отселялась главным образом малоимущая категория граждан, а также обезземеленные крестьяне, то интересующую нас Фанагорию (Аполлонию?) основали «теосцы, бежавшие от насилия персов» (*St. Byth. fr. 55 Roos*). Переселение некоторой части гражданской общины одного из крупнейших малоазийских полисов, каковым являлся Теос, предполагает более высокий средний социальный статус контингента таманских колонистов и, соответственно, наличие в их среде представителей аристократии, а также значительной прослойки состоятельных граждан, в частности, ремесленников различных специальностей, включая мастеров по обработке металлов. Ярким подтверждением последнего положения является обнаруженная в Фанагории древнейшая в Северном Понте мастерская (конца VI – первой трети V вв.), в которой производились бронзовые статуи в натуральную человеческую величину [Долгоруков, 1986, с. 145-149].

Безусловно, заметную роль в бурном экономическом и демографическом росте Тамани играла благоприятная природно-климатическая среда, создававшая, в сущности, идеальные условия для выращивания зерновых культур. Понятно, что совокупное воздействие перечисленных факторов не могло не способствовать более раннему переходу региона к производству товарного хлеба и, соответственно, интенсификации как внутренних, так и внешнеторговых связей. Важно подчеркнуть, что, по мнению А. А. Завойкина, уже в последней четверти VI в. «начинается массовый экспорт пшеницы с Боспора в Элладу» [2004б, с. 61], причем, что не менее важно, специалист имеет в виду главным образом Таманский регион. Едва ли приходится доказывать, что естественным следствием этого процесса должен был явиться значительный приток на Тамань разнокалиберного импортного серебра, нуждавшегося в унификации, т.е. перечеканке.

Таким образом, даже беглый взгляд на ситуацию, сложившуюся в интересующее нас время в обеих частях боспорского региона, убеждает в наличии на Тамани относительно более благоприятных условий для раннего возникновения монетной чеканки, что, как представляется, нивелирует примерно 40-летний разрыв между основанием Пантикапея и Фанагории

[Кузнецов, 1991, с. 33]. В этой связи уместно отметить существенно больший объем денежной массы, обращавшейся в восточно-боспорском регионе в интересующее нас время. Весьма показательно уже то, что О.Н. Мельников, как отмечалось, предметно владеющий ситуацией с денежным обращением Нимфея и использующий во всех отношениях прогрессивную методику оценки относительного объема того или иного выпуска, отводит на производство анэпиграфного диобола с «4-х лучевыми звездами в свастико-флажковом орнаменте» (20), а также его «беззвездного» аналога (15) 4 года (ок. 480/79-476 гг.) и 8 лет (ок. 490-482 гг.) соответственно [2003, табл. I]. Между тем, среди случайных таманских находок раннебоспорского серебра монеты названных типов занимают одно из ведущих мест, причем встречаются едва ли не столь же часто, как и аполлонийский диобол 26/1,⁶⁸ на выпуск которого О.Н. Мельников отводит 23 года (ок. 465-442 гг.) [2003, табл. I]. Если, наконец, отталкиваться от предложенного здесь принципа эмитентного разделения пантикапейской и аполлонийской чеканок, то можно прийти к выводу, что дебютным выпуском Пантикапея является монета с «8-лучевой звездой» (23), которую А.Н. Зограф датирует 1-й четвертью V в. [1951, с. 244, табл. XXXIX, 16], но выпуск которой, по всей видимости, производился в 480/79 г. (см. прим. 31).

Приведенных соображений, кажется, вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение безраздельно господствующую в историографии пантикапейскую атрибуцию древнейших боспорских монет. Однако полную ясность в этот вопрос способны внести лишь дальнейшие исследования.

⁶⁸ Данные о случайных находках на Таманском п-ве диоболов названных типов (15, 20 и 28), в общем-то, согласуются с количеством учтенных Н.А. Фроловой лицевых штемпелей – 17, 13 и 22 соответственно [1996, с. 58, 59, 66].